

ТАТЬЯНА
СОЛОДКОВА

ОГНЕННЫЙ ЗВЕРЬ

18+

Татьяна Солодкова

Огненный Зверь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73552478

SelfPub; 2026

Аннотация

Огненный Зверь – волшебное существо, созданное много веков назад вследствие магической ошибки. У него нет своего тела, он поселяется в человеческом. Люди передают его от одного другому уже не одно столетие. Зверь наделяет своего носителя удивительными способностями и делает практически неуязвимым. Кто-то считает его проклятием, кто-то – подарком судьбы. За ним охотятся и мечтают заполучить, а он просто живет из века в век и наслаждается познанием мира.

По чистой случайности Огненный Зверь поселяется в самой обычной девушке, живущей самой обычной жизнью, которую Зверь тут же переворачивает с ног на голову...

Внимание: книга написана в 2012 г.

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.

Содержание

Глава 1. Задание	4
Глава 2. Второе «я»	34
Глава 3. Монстр	71
Глава 4. Друзья	97
Глава 5. Работа	127
Глава 6. Незванный гость	158
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Татьяна Солодкова

Огненный Зверь

Глава 1. Задание

Будильник верещал вот уже полчаса.

Надо вставать... Вставать...

Мысли путались, а мой организм отказывался просыпаться. Наконец одна мысль все же приобрела форму: «Еще десять минут, и я опоздаю на работу». Она меня отрезвила, и я все-таки заставила себя открыть глаза. Протянула руку и выключила будильник.

– Ненавижу... – простонала я, рывком садясь на кровати.

Часы на прикроватной тумбочке показывали 7:30, а, чтобы все успеть, следовало встать ровно в семь.

– Ч-черт-т! – я выругалась и вскочила с постели.

Еще один безумный день моей скучной жизни.

Галопом понеслась в ванную, включила холодную воду и забралась под ледяной душ в надежде, что это поможет избавиться от сонливости. Жадно подставляла лицо под холодные струи, радуясь, что это подействовало, я проснулась!

Выбралась из ванной и побежала на кухню, налила себе огромную кружку черного кофе, кинула туда льда, чтобы остудить, и выпила все залпом. Все, теперь можно было со-

бираться.

Так вот уже четыре года начинался каждый день моей однообразной жизни. Ну, конечно, были еще и выходные, которые я неизменно проводила дома в обнимку с книгой.

Мои подружки давно уже отстали, поняв, что звать меня в клубы и на всевозможные тусовки бесполезно, и ограничили свое общение со мной редкими звонками. Признаюсь, иногда я скучала, но даже одиночество не могло вытащить меня из водоворота «работа-дом-работа», в который погрузилась моя жизнь.

Я с детства была нелюдима, лет до пятнадцати у меня вообще не было друзей, книги, домашние задания, семья. В старших классах школы сделала над собой усилие, став «как все». Но, на самом деле, ни шумные сборища, ни возлияния алкоголем, которые так популярны в возрасте восемнадцати-двадцати лет, никогда не были мне действительно интересны.

Моего запала, чтобы быть «как все», хватило до конца студенческих лет. А получив диплом, я вдруг поняла, что мне все это не нужно. Я обнаружила себя дипломированным преподавателем русского языка, то есть представителем вымирающей и давно невостребованной профессии. Встречалась с парнем, единственным интересом которого было вечернее пиво и посиделки с такими же нетрезвыми друзьями. День, когда я застучала его в постели с девицей с красными губищами и накладными ресницами, стал для меня поворот-

ным. Как мне казалось тогда, я начала новую жизнь.

Но надежды на прекрасное и светлое будущее не оправдались, едва я занялась поисками работы. Одному богу известно, почему мне вздумалось пойти учиться на преподавателя. Я и сама не могла себе ответить, какого лешего меня туда понесло. А суровая реальность не заставила себя долго ждать после окончания университета. Родители, чтобы оплатить мое обучение, перебрались из города в сельскую местность и сами еле сводили концы с концами. На материальную помощь от них рассчитывать не приходилось. Во время учебы я жила в общежитии, теперь же столкнулась с тем, что нужно где-то жить, а снимать квартиру на зарплату преподавателя было не то что сложно, а попросту невозможно.

Долгие поиски работы завели меня в частную строительную фирму, где меня взяли работать секретарем. Работа была однообразная и неинтересная, директор – редкостный засранец, но платили там прилично. И вот уже четыре года я трудилась именно там, периодически стряхивая со своих ушей лапшу по поводу скорого повышения.

Второпях натягивая на себя капроновые колготки, я вдруг ужаснулась, во что превратилась моя жизнь. Каждое утро начиналось с ожидания вечера, когда я все же смогу вырваться с работы и поспать. У всех моих подруг уже были семьи, у большинства – дети. Я же в свои двадцать шесть могла похвастаться лишь тем, что хорошо справляюсь со своей работой.

– А ну не ныть! – сказала сама себе вслух. Нужно бежать, поплакать в подушку можно будет после работы.

В прихожей быстро пробежала щеткой по волосам, наскоро завязала их в пучок, схватила с трюмо ключи от машины и выбежала из квартиры, с грустью отметив, что синяки под глазами не смог спрятать даже дорогой тональный крем.

***

Когда я появилась на работе за пять минут до начала рабочего дня, наш директор, Лосев Олег Семенович, уже рвал и метал. Метал и рвал.

– Люся! – заорал он, стоило мне появиться на пороге. – Дел по горло, а ты шляешься!

Я с силой прикусила нижнюю губу, чтобы не ответить так, как мне на самом деле хотелось. Наверное, я его даже ненавидела. Кругленький маленький человечек с глазками-пуговками, болеющий манией величия. Сейчас его большие ноздри раздувались, как у быка перед тореадором.

Родители наградили меня необычным и совсем нерусским именем – Изольда. После долгих мытарств и издевательств в школе я все же к нему привыкла, и порой оно мне даже нравилось. Но мне точно не нравилось, что начальник непременно звал меня Люсей. Однако за все годы работы переломить эту его привычку так и не удалось.

– Простите, Олег Семенович, – выдавила я из себя, до боли вдавив ногти в ладонь.

– То-то же. – Он довольно ухмыльнулся, радуясь моей покладистости. – Закажи мне билеты в Рим на завтрашний рейс. Бизнес-класс! – выкрикнул Лосев, уже торопясь в свой кабинет.

Когда дверь за ним захлопнулась, я позволила себе выдохнуть и разжать кулаки. В Рим так в Рим.

Села за свой рабочий стол, включила компьютер и телефон, сразу же набрала номер авиакомпании и заказала билет. Всегда терпеть не могла привычку начальства все решать в последний момент.

Как я и предполагала, не прошло и десяти минут, как раздался звонок по внутренней связи из кабинета директора.

– Слушаю вас, Олег Семенович.

– Люся! Ты заказала мне билет в Рим?! – раздался в ответ гневный бас.

– Да, Олег Семенович, – осторожно ответила я, чувствуя подвох.

– А какого черта ты не сказала, что мне не надо в Рим?!

– Разве? – растерялась я.

– Ты что, вообще не интересуешься делами компании?! – Слава богу, что мы разговаривали по телефону – мне бы очень не хотелось быть забрызганной слюной. – Мне надо в Париж! Париж! Я понятно говорю?

Интересно, сколько я так выдержу, подумала я. Последние полгода, с тех пор как я отказалась лечь с ним в постель, стало совсем невыносимо. Уже несколько раз писала заявле-

ние на увольнение, но что-то всякий раз меня останавливало. Я никогда не была из тех, кто способен шагнуть в неизвестность и выиграть.

– Поняла, Олег Семенович. Попрошу поменять билет.

– И поживее! – буркнул Лосев и отключился.

Наверное, в колл-центре авиакомпании уже начинался приступ нервного хохота, когда они слышали мое имя и название нашей фирмы. Тем не менее наверняка это изменение билета на сегодня еще не последнее. Удержания при обменах и возвратах билетов начальство мало волновало.

Разделавшись с вопросами перелетов, я с головой погрузилась в бумажную работу, периодически заставляя себя выдохнуть и успокоиться. День с утра не заладился, меня раздражало буквально все.

К обеду, когда пришлось менять билет в Париж на Прагу, а затем на Франкфурт, меня уже начало потрясывать, и я подумала, что пора снова писать заявление по собственному желанию. Может, на этот раз у меня хватит смелости отнести его на подпись?

– Обедать идешь? – в приемную заглянула Светлана из отдела смет.

Я посмотрела на часы и кивнула. Еще полчаса работы в таком эмоциональном состоянии – и я не просто напишу заявление, а заставлю Лосева его сожрать.

Я поставила телефон на автоответчик, взяла сумочку и последовала за Светой.

Светлана была единственным человеком в нашей организации, с которой у меня были приятельские отношения, несмотря на то что она была старше меня на добрые пятнадцать лет, имела мужа и троих детей, и, казалось бы, ничего общего у нас не могло быть. Света умела слушать и подбодрить в нужный момент. Правда, большинство ее советов сводились к одному: «Найди себе мужика». Меня это немного раздражало, но она всегда так искренне пыталась участвовать в моих проблемах, что я боялась ее обидеть, признавшись в своем раздражении.

– Кислая ты какая-то сегодня, – сказала Светлана, когда мы устроились за столиком в кафе напротив нашего офиса. Я отхлебнула кофе.

– У тебя бывает, что встаешь утром, и так тебе противно становится от своей жизни, что хоть вой?

Между бровей Светы появилась морщинка. Она смерила меня придирчивым взглядом.

– Ну, у меня-то бывает, но у меня кризис среднего возраста, мне положено! А ты-то чего? Тебе-то всего двадцать пять.

– Двадцать шесть, – поправила я, обхватив руками горячую чашку. Сегодня было ветрено, меня знобило. Может, еще и от кондиционера простудилась, Лосеву всегда было душно, и у нас в офисе вечно стояла температура холодильника.

– Эх, Изка, – махнула рукой Света, агрессивно впившись

зубами в бублик, – замуж тебе надо, – закончила фразу уже с набитым ртом.

А то я не знаю! И совет Светланы не нов. Вот только где взять этого самого мужа? Объявление на заборе повесить: «Ищу спутника жизни»?

Я опустила глаза, уставившись в черноту кофе.

– Ты же встречалась с кем-то, – вспомнила Светлана. – Костя, кажется? Ничего такой был парнишка, сама говорила: квартира машина, не алкаш. Чего еще желать? Сама же прогнала.

Я печально улыбнулась. Раньше девушки мечтали о принцах на конях, а теперь квартира, машина и не алкаш – предел девичьих мечтаний.

– Он зануда, – ответила я. – В первый же месяц заявил, что уже все распланировал, вплоть до того, в какой школе будут учиться наши дети.

Светлана же явно не видела в этом ничего плохого.

– Перспективный! – Она погрозила мне пальцем. – Эх, Изка, такого мужика упустила.

Я попробовала посмотреть на отношения с Костей с точки зрения Светланы. Не урод, перспективный, с хорошей работой... Все равно не получалось. Он был, как говорится, герой не моего романа. Мне было с ним скучно, неинтересно, от его шуток я засыпала. Моя мама часто журила меня, что с моими требованиями я никогда не выйду замуж.

– Возможно, – печально согласилась я, чтобы не вступать

в дискуссии. – Но с этой работой мне уже ничего не хочется.

– А я о чем! – Светлана продолжала жестикулировать бубликом. – Я тебе уже полгода говорю, что хватит свое терпение тренировать. Даже меня тошнит от его «Люси». Ты же умная, красивая, молодая... – Она принялась загибать пальцы. – Ты ответственная, работоспособная.

– Стрессоустойчивая, – подсказала я, вспомнив слово, которое все так любят использовать при составлении резюме.

– Ну! – Светлана не заметила моей иронии. – Давно пора отсюда уволиться. Я, конечно, скучать по тебе буду, но хватит уже себя гробить.

Я покачала головой и уставилась в окно. Осень в этом году решила наступить раньше обычного, август, а листья уже начали желтеть. Лето пролетело, а мне так и не дали обещанный отпуск.

Может, Света и права, и пора перестать влачить такое жалкое существование?

– Я подумую, – пообещала я, посмотрела на часы и отодвинула от себя чашку. – Нам пора.

***

Светлане всегда удавалось поднять мне настроение и воодушевить на подвиги. После обеда мое настроение значительно улучшилось, и в добром расположении духа я принялась составлять резюме для поиска новой работы.

Снова затрещал телефон. Лосев.

– Да, Олег Семенович?

– Люся, зайди ко мне! – И тут же отключился.

Меня снова накрыла волна злости. Ну все, сейчас он у меня сгрызет свои ботинки!

Я вскочила со стула и рванула к его кабинету, впечатывая каблуки в пол. Рывком распахнула дверь.

– О, Люсенька, заходи-заходи!

Похоже, после обеда не только мое настроение улучшилось.

– Мое имя Изольда, – выдавила я через сжатые зубы.

– Вот об этом я и собирался с тобой поговорить! – Лицо шефа напоминало морду кота, только что обожравшегося сметаной. – Проходи, садись. – Он указал мне на стул напротив себя.

Я насторожилась. Когда Лосев был мил, это еще ни разу не предвещало ничего хорошего.

– Нам предложили новый объект, – без предисловий выдал он.

Я недоверчиво изогнула бровь. Прямо так и предложили? Наша организация не была лидером на рынке и уже давно позорно плелась где-то в хвосте. Нам не предлагали объекты, нам приходилось за них биться.

– Мы выиграли тендер? – удивилась вслух. И почему мне об этом ничего не известно, черт возьми?

– Еще не выиграли, но мы уже у финишной черты!

Мне захотелось скривиться, но я сдержалась. Любопыт-

ство было уж слишком сильно.

– Но есть подвох... – Так и знала. – Компания-заказчик хочет построить торговый центр в районе выезда из города. Они уже выкупили большую территорию. Но есть одно но... – Неужели одно? Обычно их как минимум пятнадцать. – Одна старуха заупрямилась и не соглашается продавать свой домишко и участок, на котором он стоит. А это напрямую мешает строительству.

– Какое мы имеем к этому отношение? – все же не выдержала я. – Это проблемы заказчика, мы не занимаемся куплей-продажей земли.

– В точку! – Лосев довольно потер руки. – В том-то и дело. Этот заказ наш, если мы вытурим оттуда бабку!

Я все же поморщилась. Все это звучало омерзительно. То, как в нашей стране не уважают старость, меня всегда поражало.

– Ты поняла, к чему я веду?

Я кивнула.

– Вы намерены выселить старушку.

– Не выселить – уговорить! И этим займешься ты!

Я ошарашенно распахнула глаза. Приехали, называется. Думала же, что надо уходить, теперь, похоже, придется уволиться в срочном порядке.

Я уже открыла было рот, чтобы возразить, но Лосев оказался проворнее.

– Если тебе это удастся, я лично обещаю, что отныне ты

будешь не какая-то там секретарша Люся. – Мне захотелось его придушить. – Ты станешь Изольда Викторовна, мой заместитель! – Надо же, он помнит, как меня на самом деле зовут. – А секретаршей посадим кого-нибудь другого, нечего тратить ценные кадры на неблагодарной работе.

Как интересно, а ведь еще утром он считал, что я должна целовать ему ноги за то, что работаю на такой завидной должности.

Однако в логике Лосеву не откажешь. Он сделал ставки правильно: именно долгожданным повышением меня и можно было удержать.

Я внимательно смотрела на него, пытаюсь понять, не лжет ли шеф в очередной раз. Но, похоже, он так жаждал получить этот заказ, что произвел бы меня в фельдмаршалы, лишь бы ему это помогло.

– Я попробую, – наконец сказала я.

В конце концов, от одного разговора с незнакомой старушкой от меня не убудет. Нет так нет, я все равно собиралась увольняться. А если да... «Изольда Викторовна» звучало очень заманчиво, особенно после того, как тебя зовут Люсей, обращаясь как к собачонке.

***

– Нет, мам, не на работе...

Я уже как раз вышла из офиса и направилась выполнять поручение, сулящее новую должность, когда зазвонил мо-

бильник.

– Чего это ты так рано? – мама тут же заподозрила неладное. Уж она-то знала, что я днюю и ночую на работе. – На свидание собралась?

Мне стало обидно оттого, какой радостью наполнился мамин голос при таком предположении.

– Мама, блин, какое свидание! – воскликнула я, забираясь в свой автомобиль. – Еду по работе!

– У тебя работа, а я хочу внуков, – в ответ обиделась мама. – Когда я была в твоём возрасте, тебе уже было три годика.

Я откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Больше всего мне на нервы действовали разговоры на тему моей личной жизни. В такие минуты я чувствовала себя старой. Даже не просто старой по возрасту, а одинокой старой девой, в жизни которой ничего не осталось, кроме работы.

– Изольда? – испугалась мама моего затянувшегося молчания. – Изольда, ты обиделась?

– Нет, мам, – без запинки соврала я, – все нормально. Мне некогда, давай я потом перезвоню?

Мама вздохнула, но согласилась.

Я закончила вызов и зашвырнула телефон на заднее сиденье, потом прижалась лбом к холодному рулю и просидела так несколько минут. Как же я ненавидела свою жизнь в этот момент! А самое страшное, что ни повышение, ни уважение начальства ничего не изменят. И дело не в одиночестве, не

в неустроенной личной жизни, а во мне. Я совершенно потеряла вкус к жизни.

Глубоко вздохнула и открыла глаза.

С тарзанки, что ли, прыгнуть, чтобы хлебнуть адреналина и почувствовать этот самый вкус? Или на американских горках прокатиться?

Я улыбнулась абсурдности своих мыслей и покатила по адресу, который дал мне Лосев. Мне предстоял разговор со старушкой на тему ее выселения.

Я плохо представляла, что могу ей сказать, чтобы убедить в своей правоте и в том, что моя точка зрения – единственно верная, но решила хотя бы попробовать. В любом случае, когда после провалившейся попытки мне все же придется уволиться, по крайней мере, я смогу утешить себя мыслью, что сделала все, что было в моих силах.

Как ни странно, дорога в этот час оказалась почти пустой. Я открыла окна, распустила волосы и попробовала хоть немного расслабиться.

Ветер в лицо не помог, клонило в сон, а предстояло ехать через весь город.

Включила радио, но от этого стало еще хуже. Оттуда полилось нечто заунывное и нагоняющее тоску пуще прежнего. Я переключила волну, но и там молодая начинающая певица жаловалась на несчастную любовь и тоску. Петь им, что ли, больше не о чем? Пролистав пять радиостанций, я нашла только песни о разлуке, потерях и одиночестве. Похоже, по-

зитив нынче не в моде.

На одной из волн шли новости. Я сперва обрадовалась, но оказалось, это еще хуже депрессивных песен. Рассказывали о маньяке, появившемся в нашем городе. Уже было найдено несколько изувеченных тел. Перед смертью людей, похоже, пытали.

Окончательно расстроившись, я выключила радио и поехала под звук ветра.

Погода портилась, небо затягивали темно-фиолетовые тучи, в воздухе чувствовалась влажность. Обещали очередной циклон.

Я любила дождь непонятной многим любовью с самого детства. Любила выйти на улицу в ливень без косметики и подставить лицо прохладным каплям. В такие минуты чувствовала себя свободной, вырвавшейся из устоев общества. Я была домоседкой, но в дождь непременно надевала джинсы и кроссовки, вместо опостылевших на работе шпилек и узкой юбки, и выходила гулять.

Давно не было дождя. Может быть, поэтому я так скверно себя чувствовала? Погрязла в работе и совершенно забыла, как расслабляться?

Внезапно мне захотелось развернуться прямо на полпути и поехать домой. Моя поездка вдруг показалась верхом бессмысленности и пустой тратой времени. Мне и так постоянно хотелось спрятаться под подушку и не вылезать оттуда, так я еще и собиралась испортить жизнь старушке, которая

не сделала мне ничего плохого.

Но почему-то я так и не остановилась и не развернулась. Дурные мысли не оставляли, но я решила довести дело до конца.

Когда добралась до места, небо полностью затянуло тучами. Голова начала раскалываться от резкой перемены давления. Ну что за день!

Колеса прошуршали по гравию и остановились.

Частный сектор был довольно большим. Старые домики растянулись покуда хватало глаз неровными рядами. Все они были построены еще задолго до моего рождения, а потому покосились и многие уже полностью пришли в негодность.

Как сообщил Лосев, все эти «имения» фирма-заказчик уже выкупила, остался только один.

Я посмотрела в блокнот: домик номер тридцать семь. Что ж, будем искать.

Бросила блокнот назад в бардачок и вышла из машины.

Гулять в туфлях на шпильках по неасфальтированной дороге было не вполне разумно, но сменной обуви в багажнике не нашлось – видимо, успела куда-то выложить.

Я со вздохом захлопнула багажник и огляделась. Искать домик будучи за рулем все же показалось мне более опасным, чем испортить пару туфель. Не хватало еще влететь в какую-нибудь яму и застрять. Торчать в безлюдном районе до темноты в ожидании эвакуатора мне не хотелось куда больше, чем прогуляться.

Поставив автомобиль на сигнализацию, я решительно зашагала к началу улицы.

Однако мой нюх меня подвел уже не в первый раз: то, что я сочла началом улицы, естественно, по закону подлости оказалось ее концом, и я уперлась в домик с номером сто двадцать.

Хотелось зарычать от досады. Да тут топать полчаса!

А посмотрев на свою обувь, я поняла, что даже полчаса – весьма оптимистичное предположение. И взбрело же мне в голову согласиться на эту авантюру!

Ковыляя между брошенных домов, выбитых окон и сломанных заборов, я чувствовала себя героиней фильма ужасов. Погода соответствовала. Так и казалось, что из-за угла в любой момент выскочит воющая нечисть и набросится на «тупоголовую туристку». А потом в новостях покажут мое неудачное фото и сообщат, что без вести пропала девушка, за каким-то чертом поперевшаяся на ночь глядя на окраину города.

Я с досадой посмотрела на небо. Только бы дождь не ливанул. При всей моей любви к осадкам, из этого места под дождем на переднеприводной малолитражке я просто не выберусь – завязну в грязи.

Мысленно попрощавшись со своими новыми серыми замшевыми туфлями, я пошла дальше, пытаюсь разглядеть номера на покосившихся стенах строений. Естественно, как это всегда бывает, с половины номера уже отвалились, а на

второй – просто проржавели и облезли.

Темнело стремительно.

Я почувствовала укол паники, что сейчас совсем заблужусь в темноте и не найду дорогу к машине. Решив посветить себе под ноги фонариком, я полезла в карман в поисках телефона.

– Идиотка! – вслух обругала себя, чуть не расплакавшись от досады, когда пальцы схватили только воздух. Ну конечно, я же бросила телефон на заднее сиденье! – Идиотка! Тупица!

Я остановилась на месте, выпрямив спину, руки по швам, ладони сжаты в кулаки, и попробовала несколько раз глубоко вздохнуть, чтобы не поддаться панике и не начать истерить.

Немного помогло, я задышала ровнее и попробовала осмотреться. И приспичило же бабушке упираться в свой домик в таком богом забытом месте. Я бы умерла от страха, если бы жила одна в подобной глуши. Сайлент-Хилл какой-то.

Небо разрезала молния, после чего раздался раскат грома.

– Мамочки! – взвизгнула я и, не будь на моих ногах высоких каблуков, непременно бросилась бы наутек. Так же я просто заковыляла быстрее.

Но и на моей улице бывают праздники: через пять минут паники и дважды подвернутой ноги я увидела, что в одном из домиков горит свет.

Аллилуйя! Не помню уже, когда в последний раз так че-

му-то радовалась. Даже боль в ногах отступила, и я с новыми силами бросилась к домику. В небе снова громыхнуло.

Кое-как забравшись на прогнившее крыльцо, я отчаянно забарабанила в дверь, боясь, что гром заглушит мой стук.

Меня услышали. Внутри что-то стукнуло, упало, загремело, а потом раздался недовольный старческий голос:

– Кого несет?

Кого-кого, дуру одну наивную, которая чертовски хочет повышения...

– Компания «Лосев-Строй», – как можно более четко и уверенно ответила я, собрав воедино крупички самообладания. – Меня зовут Изольда. Могу я с вами поговорить?

За дверью не было слышно ни звука, видимо, старушка задумалась.

Снова сверкнула молния, и с неба полетели первые капли начинающегося ливня.

– Пожалуйста! – уже взмолилась я, позабыв о всякой респектабельности.

– Ох уж эта молодежь, – послышалось в ответ. Стукнул засов, и дверь распахнулась.

Я зажмурилась от яркого света, и, невольно прикрыв глаза рукой, чуть подалась назад. После чего попала каблуком в щель между прогнивших досок, и отчаянно замахала руками, чувствуя, что теряю равновесие и вот-вот упаду с крыльца спиной вперед.

– Ох уж эта молодежь, – на сей раз эта фраза прозвучала

уже с каким-то остервенением. Сухая ладонь крепко сжала мое плечо и втокнула в дом.

Каблук остался в крыльце.

Чертовски хотелось выругаться, но я сдержалась. В этот момент даже больше, чем злость на саму себя, меня переполнял стыд. Явилась – не запылилась выгонять старушку из принадлежащей ей по закону недвижимости, заблудилась, перепачкалась, чуть не переломала себе ноги, нагло ворвалась в чужой дом, так еще и заставила бедную хозяйку себя спасать.

– Простите, ради бога, – промямлила я, опустив глаза и отчаянно пытаясь сморгнуть выступившие от досады слезы. – Я...

– Потом покаешься, – раздалось в ответ, и меня бесцеремонно толкнули в спину. – Проходи давай. Чая дам, околела небось.

Я послушно сбросила свою бесповоротно испорченную обувь и позволила себя вытолкать в другое чуть менее ярко освещенное помещение, оказавшееся кухней.

Кухонька была маленькой, но очень аккуратной. Шторки с ромашками, на подоконнике – цветы в горшках, маленький стол, такая же миниатюрная плита, над ней – подходящего размера шкаф.

– Садись!

Меня практически силой усадили на трехногий табурет. Сама женщина взяла чайник и завозилась у плиты.

Теперь я наконец смогла рассмотреть хозяйку жилища. Она была маленькой чуть сторбленной старушкой, по размеру идеально подходившей к этому помещению. Одета пожилая женщина была в синее шерстяное платье почти до пят, на голове – ярко-красный платок, из-под которого выбивались непослушные седые пряди. Хозяйка выглядела очень опрятной и ухоженной и для своего возраста, и для того места обитания, за которое держалась.

– Как, гришь, тебя зовут? – Старушка повернулась ко мне с кружкой в руках.

– Изольда, – ответила я и почему-то покраснела.

– Нина Ивановна, – представилась та в ответ. – На вот, держи. – Она поставила передо мной чашку, из которой валил пар. – Пей, ромашковый.

– Спасибо, – поблагодарила я, обхватив кружку озябшими пальцами. – Мне бы хотелось еще раз извиниться за то, что ворвалась так бестактно.

– Молодежь нынче этим самым тактом не страдает, – хмыкнула Нина Ивановна и очень бодрой походкой прошествовала к другому табурету.

Двигалась она совсем не как человек в возрасте – походка пружинистая, движения четкие, да и взгляд очень ясный для такого сморщенного, покрытого морщинами лица. Сколько ей, гадала я, восемьдесят? Девяносто?

– Ну, чего отмалчиваешься? – Ясные глаза хозяйки уставились на меня в упор. – Выживать меня приехала?

Я отхлебнула из кружки. Чай действительно оказался ромашковым и вкусным. По телу разлилось тепло, и я немного расслабилась.

– Скажем так, я приехала, чтобы обсудить ваш переезд на выгодных ВАМ условиях, – отчеканила заранее приготовленную фразу. Голос не подвел, все прозвучало как нужно: уверенно и доброжелательно.

Взгляд старушки оставался пристальным и требовательным. Она пожевала губу, а потом выдала:

– Долго фразочку учила?

Я опешила.

– А ты думала, что первая тут? – Хозяйка правильно истолковала мое замешательство. – Много вас у меня уже перебывало. Золотые горы обещали. Так что можешь не стараться. Чай допивай, в себя приходи и проваливай восвояси. Ливень почти закончился.

И правда, я прислушалась: шум дождя за окном начал стихать.

– Может быть, все же рассмотрим несколько вариантов? – не желала я сдаваться. Все-таки проделала такой путь, и уехать ни с чем...

Но старушка только руками развела.

– Милочка, даже не старайся, нервы себе сбережешь. Мне нельзя в город, здесь век доживу, вот и получите все. Детей у меня нет, все государству после смерти перейдет, вот и полакомитесь.

– Но...

– Без но, – в ее голосе появились властные нотки. – Нельзя мне в город.

– Если у вас проблемы со здоровьем, – ляпнула я первое, что пришло на ум, – то в городе много высококвалифицированных специалистов...

Я не договорила, старушка с недюжинной для ее возраста силой громыхнула кулаком по столу.

– Мне. Нельзя. В город! – с расстановкой произнесла она.

Честно говоря, я растерялась. Ждала чего угодно, ну например, дряхленькую сельскую жительницу, привязанную к своему огороду и переживающую, как же она без своих грядочек. Но никак не эту хозяйку непонятного возраста, нагоняющую на меня страх. Прямо мурашки по коже.

– Иди подобру, – старушка встала, уперев руки в бока.

Тон не предусматривал возражений.

Я поднялась на ноги, кивнула, как китайский болванчик, и потопала к выходу, гадая, как теперь передвигаться по грязи, да еще и на одном каблуке.

Хозяйка проводила меня до двери.

– И начальнику своему передай: пусть не старается. Меня отсюда подъемным краном не сдвинешь.

Я закусила нижнюю губу и молча кивнула. Что тут скажешь? Плакало мое повышение, да я и сама виновата, тут не на кого вину перекладывать. Надо увольняться и перестать испытывать и свое терпение, и Лосева...

Я не додумала мысль. Что-то гроыхнуло прямо возле самой двери, у которой мы стояли. Неясная вспышка. Полетели щепки.

– Ложись! – закричала старушка громоподобным голосом и повалила меня на пол.

– Что... что происходит? – Я отчаянно вертела головой в поисках опасности. Ойкнула, почувствовав, что разбила коленку при падении.

– Тш-ш-ш, – шикнула на меня Нина Ивановна. – Они пришли...

– Кто – они?!

Я начала здорово сомневаться в своей первоначальной оценке здравомыслия старушки. Ну точно, маразм.

Нина Ивановна будто меня не слышала, бормотала что-то себе под нос.

Я прислушалась.

– Пришли-таки... а говорил, не придут... Пришли... Знаю, что нельзя тебя им... Знаю все...

Похоже, тут не только маразм, а раздвоение личности какое-то.

Дом сотряс очередной удар. Лопнула лампочка, на голову посыпались осколки. Я всхлипнула.

– Тихо! – наконец старушка вспомнила обо мне. – Вот что, милочка, не таким я представляла своего преемника, но выбора у нас нет. Нельзя им Его.

– Кого – его? – Мне хотелось забиться в угол и хныкать

там.

– Скоро узнаешь. – Она крепко схватила меня за руку и потянула за собой. – Не вставай, пригнись.

Полуприседом мы добрались до двери, ведущей еще в одну комнату.

– Под кровать, – скомандовала Нина Ивановна.

– Что? – ахнула я.

Старушка повернулась ко мне, и я не узнала ее лицо. Оно выглядело по-настоящему жутким. С перепугу мне показалось, что у нее красные зрачки.

– Жить хочешь? – зарычала она. – Тогда лезь!

Я всхлипнула и полезла в темноту, трясясь, как осиновый лист.

Кто-то выламывал дверь.

Боже мой, во что я вляпалась?

От страха меня трясло, зуб на зуб не попадал. Мысли путались.

Слава богу, под кроватью не обнаружилось ни вековой пыли, ни пауков, и, распластавшись на полу, я забралась как можно дальше. Потом легла на бок, прижавшись спиной к стене, подтянула колени к подбородку и обхватила себя руками.

Как только я заняла такую позицию, старушка встала на колени возле кровати и протянула ко мне свою морщинистую ладонь. Я еще сильнее вжалась в стенку.

– А ну не дури! – ее голос был для меня подобен грому.

Нормальные старушки таким голосом не разговаривают. Да о чем это я? У нормальных старушек и двери не выламывают с громом и искрами! – Руку давай!

Я не шевелилась и только дрожала крупной дрожью в своем укрытии.

В режиме нормального времени прошло не больше пары секунд, но мне показалось, что Нина Ивановна стоит передо мной с вытянутой рукой целую вечность. Готова поклясться, что в глубине ее глаз я видела нечеловеческий огонь. Языки адского, как мне казалось, пламени пылали прямо по центру зрачков.

Звук выламываемой двери смолк, послышались голоса и громкие шаги.

Старушка опасливо оглянулась и смачно выругалась. Такого трехэтажного мата я за всю свою жизнь не слышала даже от мужиков на стройке, тем более от бабушки – божьего одуванчика. Может, она инопланетянка, которая просто очень удачно замаскировалась под старушку и живет в глуши в ожидании, пока собратья заберут ее на космическом корабле?

Я тут же отругала себя за подобные мысли. А это тогда кто там? Воинственно настроенная раса зеленых человечков?

– Зверь, не надо прятаться! – донесся до меня голос из коридора.

– Сволочи, – пробормотала старушка, и, видимо, наконец догадавшись, что никаких действий от меня ждать не имеет

смысла, согнулась сильнее и сама схватила меня за предплечье.

Ее ладонь на моей руке на мгновение охватило огненное свечение, кожу кольнуло, а потом Нина Ивановна тут же отпустила меня и, крихтя, поднялась с пола.

Я лежала, стараясь не произносить ни звука. Впала в какой-то ступор и лишь краем сознания отметила, что от кровати старушка двинулась уже не так бодро, как прежде, а прихрамывая и пошатываясь.

Хотелось крикнуть: «Что происходит, черт возьми?!» Но меня просто парализовало от страха. Рука, до которой дотронулась хозяйка дома, горела, как после ожога, но я была не в силах даже опустить взгляд и посмотреть, не дымится ли она на самом деле.

Словно во сне видела мужские черные кожаные ботинки, которые приблизились к старушке, видела подол черного как смоль плаща, а потом вспышку света и звук падающего тела.

Я в панике зажмурилась. У меня внезапно начался приступ клаустрофобии, которой я в жизни не страдала. Хотелось вскочить и кинуться наутек, но я не смела даже дышать.

А когда открыла свои глаза, то увидела чужие – остекленевшие глаза старушки. Она лежала на боку прямо перед кроватью, под которой я пряталась, а из уголка рта на палас стекала тонкая струйка крови.

Я зажала себе рот и нос ладонью, чтобы не всхлипнуть и не закричать. Может быть, меня все же не заметят? Может,

не убьют? Мое сердце так яростно стучало в груди, что казалось, будто его грохот слышно и в соседнем дворе.

– У нее не было Зверя, – сказал тем временем приглушенный мужской голос.

– Как это – нет? – донесся еще один от входа. – Мы за ней не следили только последние два часа! Кому она могла успеть его передать?!

– Меня спрашиваешь?! – в первом голосе послышалось бешенство. Ноги в черных ботинках развернулись на каблуках, опять мелькнул подол плаща. – Машин на улице нет, все следы смыл дождь. Вот карга! Когда успела!

– Мы найдем ее преемника, – успокаивающе сказал второй, так и не появившийся в зоне моей видимости.

Преемника... Это слово набатом стучало в моей голове. Старушка тоже успела сказать что-то о преемнике.

Шаги стали удаляться. Неужели не заметили? Не будут обыскивать домик?

Я не смела поверить в свое везение. Ушли?

Только выждав еще несколько минут для верности, я позволила себе дышать и убрала руку от лица. Теперь громко всхлипнула. Остекленевшие глаза хозяйки все еще смотрели на меня невидящим взглядом.

За что? Почему? Кто эти люди? Кем была она? И что теперь будет со мной? Эти вопросы кружились в моей голове, лишая способности трезво мыслить.

Сделав над собой усилие, я стала выбираться из своего

укрытия, уговаривая сама себя, что нужно успокоиться и вызвать полицию, а потом рассказать обо всем, что случилось. Может быть, эти убийцы оставили какие-то улики после себя?

Наконец я вылезла из-под кровати и встала в полный рост. Опасливо посмотрела на труп и попыталась обойти его, чтобы выйти из комнаты и поискать телефон.

Мне казалось, все это происходит не со мной, я тихая домашняя девочка, со мной не бывает подобных передряг, я не влипаю в истории, я же всегда благоразумна, я же...

Я снова всхлипнула и тут опустила глаза на свою болевшую руку: на ней остался след в форме ладони старушки, кожа покраснела и покрылась волдырями, как будто на нее вылили кипящее масло.

– Что за... – пробормотала я и поднесла руку ближе к лицу. Как такой ожог может получиться от прикосновения человеческой руки?

Прямо на моих глазах на коже появлялись все новые и новые волдыри, словно пузырьки воздуха на поверхности кипящего супа. Я в ужасе закричала и бросилась прочь из комнаты, в панике, естественно, споткнулась и растянулась посреди пола, кажется, разбила вторую коленку. Но коленка и падение меня сейчас мало волновали, боль в обожженной руке настолько усилилась, что я не могла подняться с пола.

Закричала, катаясь по полу, не в силах вынести эту боль. В моей душе затеплилась надежда: может, убийцы ушли неда-

леко и смогут услышать мой крик, вернуться и добьют меня? Никогда в жизни я не испытывала такой боли. Однажды я сломала ногу, но по сравнению с этим, то были цветочки. Я согласилась бы пройти полквартила на сломанной ноге, чем терпеть это.

Мой крик превратился в вой. Я стала терять рассудок, больше не понимала, кто я и где нахожусь. Не было ничего, кроме этой всепоглощающей боли в моей руке и разливающейся по всему дальше телу. Внезапно рука запылала огнем, но не метафорическим, а самым настоящим пламенем, оно охватывало мою кожу и поднималось выше к плечу...

Это было последним, что я видела. С потерей сознания пришло облегчение.

Глава 2. Второе «я»

Пищал будильник.

Я резко распахнула глаза и села на кровати. Сонливости как не бывало, я чувствовала себя бодрой, отдохнувшей и готовой на подвиги. Вздохнула полной грудью и... и вспомнила обо всем, что со мной произошло.

Вскинула руку. Рука как рука, ни ожогов, ни шрамов, на коже ни царапинки. Включила свет и еще раз все внимательно осмотрела, поворачивая руку и так и эдак. Ничего.

– Ух-х! – я шумно выдохнула. – Приснится же такое!

Мое подсознание сыграло со мной злую шутку. Реальные события вчерашнего дня наложились на большую фантазию, и моя память не сообразила, что реальность перешла в сон.

Ну конечно же! Поговорила с Ниной Ивановной, она вежливо, но настойчиво выпроводила меня вон, а я так устала за день и перетрусилась из-за заставшей меня врасплох грозы, что просто на автопилоте добралась до машины, приехала домой и завалилась спать. Вот и приснилась такая дребедень.

Я снова поежилась, вспоминая свой сон. Жуть какая. Вроде бы и ужасов никаких по телевизору не смотрела. Наверное, это все гроза.

Спрыгнула с постели и тут же сама себе удивилась: я, прыгаю с утра?

И тут же продолжила свои «подвиги» и проскакала на од-

ной ноге до ванной.

– Вау! – Расплылась в довольной улыбке.

Выходит, я была права, когда раздумывала о тарзанке: глоток адреналина – и я прямо ожила. Никакой обычной сонливости, ни ненависти, ни жалости к себе, от которых в последнее время хотелось выть. Я уже очень давно не вставала с утра в таком хорошем настроении.

Напевая себе под нос, приняла душ, на этот раз не ледяной, чтобы проснуться, а теплый и неторопливый.

Я не проспала, поэтому времени у меня было предостаточно. Отправилась на кухню, чтобы сделать привычный для себя утренний кофе, но передумала и заварила свежий чай.

Какое прекрасное утро!

Я распахнула окно и еще несколько минут наслаждалась свежим воздухом и наблюдала, как просыпается город. В спальном районе воздух был не слишком загрязнен выхлопными газами, и я с наслаждением проторчала в окне добрых десять минут.

– Какой прекрасный день! Какой прекрасный пень! Какой прекрасный я и пе-сен-ка-а-а мо-я-я-я! – пела я, одеваясь.

Испорченные вчера туфли, конечно, жаль, но...

– Неудачу эту мы переживем! – тут же нашлась песенка на тему, и я перестала расстраиваться.

В знак протеста обычным серым будням надела брюки, а не юбку, балетки, а не шпильки, а волосы собрала в «конский хвост» на затылке.

Внимательно взгляделась в свое отражение в зеркале. Выспалась я и правда замечательно: ни следа синяков под глазами. Хмыкнула, покрутив в руках баночку с тональным кремом, и поставила ее на место – сегодня он мне точно не пригодится. И я решила ограничиться только тушью для ресниц.

– Чудно! – прокомментировала своему отражению свой сегодняшний внешний вид, подхватила ключи от автомобиля и выскользнула за дверь.

***

Погода была под стать моему настроению: с самого утра светило солнце. Я ехала с опущенными стеклами и наслаждалась ветром в лицо. Даже по радио вчерашние заунывно-депрессивные песни для одиноких женщин сменились на бодряще-позитивные, и я подпевала каждой до самой работы.

Когда уже припарковалась под нашим офисом, зазвонил телефон. «Мамочка», – высветилось на экране. Я мгновенно напряглась. Мама никогда не звонит мне перед работой.

– Мам, что случилось?! – Я быстро нажала на клавишу принятия вызова, чувствуя, как учащается пульс.

– Ну почему сразу случилось? – недовольно проворчала мама. – Я что, не могу своей дочке позвонить с утра пораньше?

Ух, от сердца отлегло. И почему мы все такие пуганные, что на неожиданный звонок родственников отвечаем не ра-

достным приветствием, а фразой: «Что случилось»?

– Конечно можешь! – Ко мне немедленно вернулось хорошее настроение. – Доброе утро, мамочка!

– Ты подозрительно позитивна, – заметила она.

– Выспалась! – Я выбралась из машины. – Мамуль, так ты что-то хотела? А то я на работу опоздаю.

– Ничего особенного. Доброго утра пожелать.

Но так просто меня не проведешь, я тут же почувствовала, что мама что-то не договаривает.

– Говори как есть, – попросила я.

Мама еще помолчала пару секунд.

– Сон дурной приснился, – призналась она наконец, – кошмары всю ночь. Я за тебя испугалась. – На этот раз ее молчание означало смущение.

– Про что сон? – беспечно поинтересовалась я.

– Ничего особенного, – все еще не сдавалась мама. – Просто предчувствие какое-то нехорошее. Будь осторожнее, хорошо?

– Конечно, мамочка! – по-прежнему позитивно отозвалась я. – Целую, мамуль, вечером позвоню!

Закинув телефон в сумку, я отправилась на работу. Как ни странно, мамино дурное настроение мне не передалось. Утро было таким чудесным, что не хотелось тратить ни минуты на сны и дурные предчувствия. Ну и что, что сон, вот мне сегодня тоже жуть что приснилось, но все это фантазии и не стоит об этом думать.

Край моего сознания отметил, что подобная беспечность мне никогда не была свойственна, но я немедленно отбросила и эту мысль. Вот проснусь завтра, как всегда, не с той ноги и подумаю тогда. А сегодняшний день я решила назвать Днем Позитива.

Мне снова повезло: Лосева с утра в офисе не оказалось, и я спокойно начала заниматься своими повседневными делами с документами без утренних упреков и оскорблений.

Где-то через час моей счастливой работы ко мне заглянула Светлана.

– Лось на пастбище? – подмигнула мне она.

– Ага, – довольно подтвердила я, – пасется где-то, травку щиплет.

Света смерила меня подозрительным взглядом.

– Ты чего такая довольная?

– А не знаю. – Я пожала плечами, вскочила со стула и протанцевала к полке с папками в другом конце помещения.

Светлана по-прежнему не сводила с меня глаз, видимо, оценивая мой внешний вид.

– Ни разу не видела тебя без юбки и шпилек, – прокомментировала она, подтвердив мое предположение.

– А еще без дурацкой шишки на голове, а-ля училка? – усмехнулась я.

Действительно, все, что я с собой делала в последние годы, сегодня казалось мне абсурдным и не требующим стольких усилий – потерянное время.

Светлана молча кивнула, у нее даже рот приоткрылся от удивления. Наверное, я правда вела себя странно, но я так хорошо себя чувствовала, что меня это не волновало.

– Изка, ты такая странная, – протянула она, вторя моим мыслям, а потом сделала вывод в своем духе: – Замуж тебе надо, пока башню совсем не снесло.

Я замерла с протянутой рукой к папке на верхней полке стеллажа. Меня накрыла волна жгучего раздражения. Я чувствовала, как это раздражение растет внутри меня, пока не поглотило всю целиком. Меня давно подмывало прямо сказать ей, чтобы она перестала комментировать отсутствие моей личной жизни и занялась своей. Мы не подруги, а всего лишь коллеги, приятельницы, единственные женщины в мужском коллективе, держащиеся вместе, но не...

Дальше я не думала, меня понесло, словно лавину прорвало. Как много времени в своей жизни я потратила, сдерживаясь, контролируя себя, пытаюсь не выглядеть глупо или не обидеть, или не нарушить субординацию, но сегодня со мной точно было что-то не так, и, черт возьми, мне это нравилось.

Я резко повернулась и двинулась в ее сторону.

– Никогда. Больше. Не говори. О моей. Личной. Жизни, – прошипела, чеканя каждое слово. Светлана попятилась от меня, но я продолжила наступать. – Не надо перекладывать на меня свои комплексы. Я еще молода и успею выйти замуж. И ровно тогда, когда посчитаю нужным. И я не стану, как ты, выскакивать за первого встречного, только потому

что «тридцатка» не за горами, а потом плакаться коллегам каждый день, что и тошнит от него, да на старости лет одной остаться страшно.

– Изка, – пискнула та, продолжая отступать к двери, – я...

– Я прошу прощения и больше никогда не буду говорить о том, что меня не касается, – подсказала я каменным голосом, подозревая, что выражение лица у меня было соответствующее.

– Извини, – пробормотала она и все же выскочила за дверь. – Всегда знала, что ты стерва! – раздалось уже из коридора.

Даже не смогла сказать мне это в лицо.

Я закрыла глаза и так и замерла посреди помещения, пытаясь успокоиться. Как ни странно, гнев и раздражение удалось унять довольно легко, и я удовлетворенно вздохнула. Что ж, все к лучшему, больше не придется сдерживаться и делать вид, что все хорошо, когда она обижает меня своей «заботой».

Я вернулась на свое рабочее место, однако мое настроение разительно изменилось. Хоть оно и не стало депрессивным, как всегда, но мой оптимизм сменился приступом агрессии и жаждой деятельности. Мой организм просто требовал ссоры. Неизвестно с кем, неизвестно почему, но желание поскандальить росло.

Я опустила голову на руки и сжала виски.

– Что же с тобой сегодня творится? – прошептала самой

себе.

Если с утра мое состояние меня радовало, то теперь начинало пугать. Я совершенно себя не контролировала. Конечно, это хорошо – говорить то, что на самом деле думаешь, но, как правило, в миру это воспринимают как хамство, если не как оскорбление. Я всегда была мастером самоконтроля, а сейчас чувствовала, что не могу себя сдерживать. Что это? Слишком много спала? Или ранний предменструальный синдром?

Так, нужно отвлечься и прийти в себя, пока не явился Лосев, и я не высказала еще и ему все, что о нем думала. А о нем я думала куда хуже, чем о Свете.

Я открыла интернет и начала копаться в местных новостях, надеясь, что бездумное чтение, не связанное с рабочим процессом, приведет меня в норму.

«Пожилая женщина найдена мертвой в своем доме», – заголовков на главной странице.

Быть такого не может! Всего лишь сон, правда?..

Я судорожно сглотнула, почувствовав, как кровь отлила от лица. Рука, держащая «мышку», онемела. Все же сделала над собой усилие и нажала кнопку.

«Жительница окраины города, Акимова Нина, восьмидесяти пяти лет была убита в собственном доме в ночь с четверга на пятницу. Пожилую женщину нашел почтальон. Убитая лежала в комнате в луже собственной крови. Дверь была выбита, мебель перевернута, часть комнаты обгоре-

ла...»

Дальше читать я не смогла. Буквы, которым я просто отказывалась верить, поплыли перед глазами.

Не может такого быть!

Даже если допустить, что мне все это не приснилось, а случилось на самом деле и старушку убили прямо на моих глазах, то как быть с тем фактом, что потом я загорелась от ее прикосновения?

Задрала рукав и еще раз внимательно оглядела свою руку – ни следа. Однако свою боль и агонию я помнила отчетливо, а дорогу домой не помнила вообще. И тем не менее я проснулась в своей постели. Чертовщина, да и только.

Мне стало совсем не по себе.

Если все же взять за данность, что Нину Ивановну вчера убили в то время, как я находилась в паре метров от нее, возможно, объяснение всего остального, что я запомнила, – шок? Я так испугалась того, что увидела, что у меня начались галлюцинации? И я в так называемом состоянии аффекта отправилась домой, поэтому-то ничего не помню о своем возвращении?

Не сходилась одно: я отчетливо запомнила момент, как выбралась из-под кровати. Конечно, я была испугана, но все понимала и соображала. Собиралась вызвать полицию, искала телефон...

А потом я загорелась.

Абсурд!

Я ровным счетом ничего не понимала. У меня никогда в жизни не было галлюцинаций, то, что я горела во сне, было самым наилучшим объяснением. Но выходит, я не спала, а старушку действительно убили на моих глазах. Может быть, в том чае, что она мне дала, было что-то подмешано? Галлюциногенный чай – интересная теория. Однако Нина Ивановна собиралась меня выпроводить подобру-поздорову, и ей не было смысла меня опаивать. Господи, да ни в чем не было смысла!

Ко всему прочему, выходит, что я стала свидетельницей преступления, но постыдно сбежала, даже не вызвав полицию. Теперь еще не хватало, чтобы меня записали в список подозреваемых. А ведь запишут как пить дать, я же последняя, кто видел убитую живой.

Захотелось биться головой об стол. Глюки, провалы в памяти – дожили.

Но мне не дали и дальше заниматься случившейся со мной головоломкой. Дверь с грохотом распахнулась, как если бы ее открыли с пинка, и на пороге появился Лосев собственной персоной. Выражение лица у него было такое, будто сегодня ему объявили, что он кронпринц.

– Люська! – крикнул он мне. – Я просил выселить бабку, а не грохнуть ее! Но это тоже пойдет! – И захохотал.

Я растерялась.

– Что? – это все, что я смогла из себя выдавить.

– А то, что нет бабки – нет проблем! – И он захохотал с

новой силой.

Я начала медленно подниматься из-за стола. Во мне закипала ярость.

– И вы всерьез полагаете, что это я ее?.. – мой голос походил на шипение.

– Да мне плевать, кто ее! – Лось снова заржал, и моя ярость слегка разбавилась омерзением. – Кто ее, зачем! Главное то, что представители всех остальных компаний уже успели сообщить, что с треском провалились, а ты поехала к ней последней! Итог: мы единственные, кто не успел поднять лапки и сказать: «Мы сдаемся!» Мы выиграли тендер! Люся! Выиграли!

Это было так отвратительно – настолько откровенно радоваться чужой смерти. Мы все эгоисты, но нельзя же быть настолько бессердечным.

– Сейчас от смеха перекосит, так и останетесь: пасть набекрень, – зло выпалила я и тут же прикусила язык. Это я? Это я только что сказала ТАКОЕ своему начальнику?

Лосев действительно подавился смехом и закашлялся.

– Воды, – простонал он сквозь кашель, – воды...

И мое чувство паники от того, что я только что ляпнула, тут же было перекрыто новой волной омерзения.

– И так не подохнешь, – словно издали услышала собственный голос. «Заткнись!» – мысленно заорала я на себя, но ничего не смогла сделать, мои губы двигались помимо моей воли. Вот теперь мне стало по-настоящему страшно.

– Да ты! – Лосев сам так изумился, что даже перестал кашлять. – Люся! Ты что себе позволяешь?! Да ты знаешь, что я с тобой после этого сделаю?!

Мне захотелось броситься к нему и умолять простить мне мою глупость, ведь долгожданное повышение вот оно, на блюде, а я только что спустила собственное будущее в канализацию.

Но мой порыв извиниться был тут же остановлен какой-то неведомой силой внутри меня. Меня снова охватила злость. Мои губы изогнула ухмылка.

Я сложила руки на груди и вздернула подбородок.

– И что же вы можете мне сделать? – высокомерно поинтересовалась я.

Было очень странное ощущение. Это были мои мысли, мои чувства, мои слова, но раньше я ни за что бы их не озвучила, никогда бы не решилась. А сейчас на меня словно надели какой-то детектор лжи, даже нет – настоящий блокиратор лжи. И где-то в глубине души, где-то очень глубоко, мне это чертовски нравилось.

– Ты уволена! – от злости голос Лосева стал выше и тоньше.

Я брезгливо смерила его взглядом с ног до головы.

– Ну. И что дальше-то?

– По статье! – Он снова напомнил мне быка. Его ноздри раздувались, лицо покраснело, казалось, еще чуть-чуть, и из ушей повалит пар.

– Окей. – Я спокойно повернулась к столу, достала из-под него коробку и демонстративно медленно начала складывать свои вещи, всем видом показывая, что полностью увлечена этим процессом и больше меня совершенно ничего не волнует. – Вы только, когда будете увольнять меня, как говорите, «по статье», – бросила, как бы невзначай, – не забудьте, что я единственная, кто в деталях знает обо всех ваших махинациях с законом. Думаю, налоговой это будет интересно. Хотя... – Сделала вид, что задумалась. – Пожалуй, к черту налоговую, лучше сразу в прокуратуру.

У Лосева было такое лицо, будто у него сейчас случится припадок. Где-то в глубине души я испытывала от этого наслаждение, еще глубже – панику: что же я такое вытворяю и почему не могу остановиться?

– Убирайся! – завопил он.

– По собственному желанию? – промурлыкала я.

Лосев сжал кулаки, но с очевидной мукой сдержался. Казалось, ему очень хотелось меня ударить.

– Да, – выдавил он.

– И я не была в отпуске, вы помните?

– Ну знаешь!.. – Он приблизился ко мне на опасно близкое расстояние.

Я равнодушно встретила его взбешенный взгляд. Поразительно, как действует спокойствие другого на человека, находящегося в ярости. Цвет лица моего – я теперь четко это осознавала – бывшего начальника стал совершенно багро-

вым. Его не боялись, над ним имели власть.

– Уходи подобру-поздорову, – почти взмолился он.

– Слушаю и повинуюсь, Олег Семенович, – пропела я, подхватила коробку со своим немногочисленными пожитками и выпорхнула за дверь.

Хотелось смеяться. Даже не смеяться – хохотать во весь голос. Эта свобода окрыляла. И это была вовсе не свобода от надоевшей работы и несправедливого начальника, это было освобождение от своих комплексов. Страх непонимания совершенно пропал, мне стало безразлично, что подвигло меня на такое необычное для себя поведение. Сегодня я была настолько счастлива, что мне не хотелось думать ни о причинах, ни о последствиях.

Плюхнулась на водительское сиденье и еще просто сидела несколько минут, тихо улыбаясь сама себе и гадая, почему я так долго тянула и как так, что простое увольнение принесло столько счастья.

Из ощущения эйфории меня вырвал телефонный звонок. Звонила моя одноклассница, а затем и однокашница. В университетскую эпоху мы были очень дружны, потом интересы разделились: я превратилась в офисную крысу, она же была и оставалась заядлой тусовщицей, и это не смогли изменить ни неудачный ранний брак, ни маленькая дочка.

В последнее время я не горела желанием с ней общаться. Все ее редкие звонки сводились к попыткам вытянуть меня на «свет божий», как она называла поход в ночной клуб, а

мои ответы переходили из односложных в неумелые попытки отказать, не обидев.

Как ни странно, я почувствовала радость, увидев высветившееся имя «Ирунчик» на экране телефона.

Я уже открыла рот для того, чтобы сказать «привет», но мои губы снова сыграли со мной злую шутку и выдали:

– Алло, гараж! Какие люди!

От такого приветствия даже готовая ко всему Ирка опешила.

– Изольда? – недоверчиво уточнила она, видимо, испугавшись, что ошиблась номером.

– Ну а кто, по-твоему? – хихикнула я. – Не узнала, богатой буду!

– Изольд, ты пьяная? – в вечно жизнерадостном голосе моей старой подруги послышалась неуверенность. – Все нормально?

– Нормально? – с напускной суровостью переспросила я. Улеглась на пассажирское сиденье и задрала ноги к крыше авто. – Да все просто потрясающе!

Ира неуверенно засмеялась.

– И этому есть причины?

Господи, да какие могут быть причины для счастья? В этот момент все невзгоды были настолько далеки от меня, что все плохое, что было со мной, казалось страшным полубабытым сном. Солнце встало – вот причина для счастья! Сегодня тепло и, как я люблю, ветрено – чем не причина?

– Каждый новый день – причина для счастья! – нравоучительно выдала я. – А еще сегодня суббота. Есть предложение?

– Спрашиваешь! – Кажется, подруга, наконец, поверила, что не пытаюсь ее разыграть, и, пускай я немного не в себе, ей это понравилось. – Мы как раз собираемся девочками. Алкоголь, музыка и мужской стриптиз! Ты с нами?

– Спрашиваешь! – передразнила я ее и снова приняла вертикальное положение. – Куда и во сколько?

Моя готовность заставила Иру хмыкнуть.

– Ко мне, – ответила она. – Адрес не забыла, поди?

– Некрасова, сто один, первый подъезд, пятый этаж, – бодро отчеканила я, как на экзамене. – Жди гостей!

Подруга не успела еще ничего ответить, а я уже зашвырнула телефон в сумку и тут же сорвалась с места.

Всегда ездила очень осторожно. Таких, как я, мужчины-водители всегда точно определяют, как «баба за рулем», а когда эта «баба» еще и блондинка, они только вздыхают, а самые нетерпеливые крутят пальцем у виска.

Сегодня я была не блондинкой за рулем. Сегодня я чувствовала себя юным Шумахером. Вместо обычных двадцати минут, которые мне всегда требовались на дорогу от работы до дома, у меня ушло семь. Если бы меня остановил полицейский за превышение скорости, я бы, наверное, и его расцеловала. Но день продолжал радовать хорошими событиями, полицейским на углу, недалеко от моего дома, мое ав-

то не приглянулось, и я спокойно припарковалась на своем обычном месте.

Теперь мне предстояло привести себя в порядок и не потерять положительного настроения до встречи с подругами.

Меня несло, кружило на ровном месте. Я еще не выпила ни капли алкоголя, но чувствовала себя пьяной, даже не так – опьяненной! У меня будто выросли крылья.

«После эйфории всегда наступает жестокая реальность, и окунуться в нее после полета бывает очень больно», – напомнил мне внутренний голос, но я всеми силами постаралась его прогнать. Что-то подсказывало, что это был вовсе не внутренний голос, это была я, прежняя, настоящая я, но мое новое «я», проснувшееся во мне сегодня, вновь заглушило это чувство реальности. От этих новых, чужих ощущений кружилась голова, и я перестала бороться окончательно.

***

Я проснулась от головной боли.

Пошевелила пальцами ног, потеряла переносицу.

Вроде бы я...

Голова трещала, будто на нее наехал автобус, потолок зло-радно кружился.

Когда я легла спать?

Приподнялась на локте, сияясь осмотреться и хоть что-нибудь сообразить, но единственное, что смогла осознать – солнце слишком уж яркое для утра. Покосилась на часы, при

этом мне показалось, что мои глаза двигаются со скрипом, отдающим где-то в висках.

Полдень.

Время меня окончательно подкосило, и я со вздохом снова упала на подушку.

Полдень следующего дня... Теперь возникают вопросы: что произошло в прошлом, и почему я себя так отвратительно чувствую?

Память возвращалась медленно, с противным скрежетом пропитанных алкоголем мозгов.

Я вспомнила, как собиралась на вечеринку, как перерыла весь свой гардероб в поисках подходящего костюма и как в итоге нашла алое платье, которое не надевала больше пяти лет. Длина – экстремальное мини, голая спина, огромное декольте.

Обрывками пришло воспоминание, как красилась, пританцовывая перед зеркалом, подводила глаза черным карандашом и красила губы невесть откуда взявшейся красной помадой.

Вспомнила, как приехала к Ире, в доме которой было полно моих старых знакомых и совершенно незнакомых людей, с которыми я тут же подружилась. Помнила, как я, извечная серая мышь, вмиг стала душой компании, всеобщим центром притяжения. Травила анекдоты, вспоминала истории из жизни и на ходу придумывала небылицы, которые воспринимались как чистейшая правда. Я шутила, доводила до

колик окружающих и смеялась сама до упаду, до головокружения.

Уже более смутно я помнила огни ночного клуба и совсем не помнила, что пила и как много.

Я заскулила и накрыла лицо подушкой.

Так не бывает, это не я. Это все не со мной!

Это не я танцевала вокруг шеста, не я исполняла эротический танец со стриптизером. И уж точно не я совала деньги ему в трусы. Я! Мои кровно заработанные деньги! Я, всегда такая правильная и бережливая...

Мне захотелось задушить себя этой подушкой, на глаза выступили слезы ярости.

Воспоминания становились четче, ярче и унижительней.

Как такое могло произойти? Я ведь всегда умела держать себя в руках. Более того, никогда не любила обильные возлияния алкоголем, ненавидела состояние, когда мозг перестает контролировать тело.

Но ведь я потеряла этот самый контроль задолго до того, как выпила вчера первый бокал. Все началось с самого утра.

Вдруг я вспомнила, что наговорила Лосеву, как погубила свою карьеру, как нагрубила Светлане, которая ведь действительно не желала мне ничего плохого.

Я чудовище!

В голове звенело. Этот противный тренькающий звук сводил с ума. А может быть, уже поздно? Может быть, я уже сошла с ума?

Звук становился громче и невыносимее, и я сильнее сдавила подушку на своем лице. Не помогало.

Сжала голову руками и застонала. Да что же это творится?

Только спустя несколько минут моих мытарств я сообразила, что это не моя голова взрывается со звуковым сопровождением, а просто звонит телефон.

Потянулась за трубкой, валяющейся возле кровати, не совладала с равновесием и плюхнулась на пол, запутавшись в одеяле. Пока боролась с одеялом, телефон продолжал трезвонить. Мне безумно хотелось его разбить, но я даже не могла до него дотянуться.

– Ало! – Наконец-то мне удалось вырваться из объятий зловредного одеяла.

– Изольдочка, – тут же ответил голос моей горе-подруги. – Ты там живая?

Захотелось биться головой об прикроватную тумбу. Если даже безбашенная Ира сомневается, что со мной все в порядке, значит, хорошо, что я еще не все помню о своих вчерашних похождениях.

– Живая, – прорычала я.

– Я беспокоилась...

– Не стоило, – мой голос больше походил на шипение.

– Как себя чувствуешь? – Кажется, Ира чувствовала себя виноватой. Еще бы, она никогда за всю жизнь не видела меня в таком состоянии и решила, что всему виной алкоголь, который она же мне обильно и подливала. Только дело было

отнюдь не в алкоголе...

Паника стала накрывать меня с головой.

– Все хорошо, Ир, – пробормотала я и выключила телефон.

Если дело не в алкоголе, то в чем тогда? Я не принимала никаких препаратов, ничем не могла надышаться. Просто проснулась утром, а весь мир вдруг стал совсем другим, или я стала воспринимать его по-другому, словно чужими глазами.

Как это можно объяснить?

Села на кровати, обхватив голову руками, сжала виски.

Кто я? Сегодня я – это я. Я могла с уверенностью это сказать. Я думала как я, чувствовала как я, могла себя контролировать, полностью управлять собой и своими эмоциями.

Тогда что со мной было вчера? Или кем я была вчера?

Может быть, у меня раздвоение личности? Как доктор Джекил и мистер Хайд? Изольда-праведница и Изольда-оторва? В меня вчера будто черт вселился...

Вселился... При этой мысли бросило в жар.

Вселился.

А ведь Акимова Нина Ивановна тоже вела себя так, будто в нее черт вселился. Или не черт. Или кто-то еще.

В голове всплыло слово, которое употребила старушка перед смертью: «преемник», его же повторили ее убийцы. Они говорили, что она кому-то что-то передала и что этого чего-то у нее больше нет. Когда успела, удивлялись они, ведь

они не следили за ней какие-то два часа...

Я задохнулась от догадки и паники.

Что она мне передала, чем заразила?

Я отчетливо помнила, как горела на полу в домике старушки, помнила, как пламя охватило все мое тело. Это был не сон, это все было наяву.

Господи, что она в меня подсадила через прикосновение?

Или... кого?

После этой мысли в голове наступила полная тишина.

– Или кого, – обреченно повторила я вслух.

«Ну наконец-то, – раздался в ответ незнакомый насмешливый голос. – Познакомимся?»

И этот голос определенно шел из моей головы.

***

Сложно передать те чувства и эмоции, которые возникают, когда кто-то, кроме тебя, начинает разговаривать в твоей голове. Паника, отчаяние, сомнение – все это сплелось в один тугий узел.

Я схватилась руками за голову и медленно сползла по краю кровати на пол.

Нет-нет-нет, это мне все кажется, этого не может быть в реальности, я просто слишком много выпила...

«Ну-ну, а слоны летают!» – тут же насмешливо отозвался голос в ответ.

Я задохнулась от отчаяния и сильнее сжала виски.

«Возьми себя в руки, дорогуша. Я тут. Тебе придется с этим смириться».

Я вскочила на ноги.

– Ни с чем я мириться не собираюсь! – заявила пафосно и начала бегать по комнате, лихорадочно ища свои вещи.

Наконец нашла джинсы и тут же стала их натягивать резкими движениями негнущихся от паники рук.

«Ну и куда ты собралась, позволь спросить?»

– В больницу! – зло бросила я, борясь со штанами. – К психиатру! Пусть меня полечат.

«Упекут», – тут же безапелляционно выдал голос.

– Иди к черту! – прорычала я. – Вот черт! – Паника и злость – плохие спутники: я все же запуталась в штанине своих джинсов, не устояла на ногах и рухнула на пол, больно ударившись локтем.

На глаза выступили слезы бессилия, я отчаянно смахнула их тыльной стороной ладони и продолжила борьбу с брюками. Все, чего добилась, это стянула их с себя и отбросила в сторону.

«Набегалась?»

– Замолчи! – вскипела я. – Убирайся из моей головы!

В ответ раздалось недовольное урчание.

Я так и не могла найти в себе силы, чтобы встать с пола. Подтянула колени к подбородку и положила на них болевшую голову.

«Хочешь, вылечу?» – на этот раз без ехидства предложил

ГОЛОС.

– Перебьюсь, – огрызнулась я.

«Хочешь – мучайся, – к нему тут же вернулось злорадство. – Мое дело – предложить. Впрочем, ничего не имею против мазохистов».

Я так крепко зажмурилась, что перед закрытыми глазами стали летать замысловатые фигуры. Это сон, убеждала я себя, сон...

«Надоела!» – в голосе появилось раздражение, и тут мое тело, вопреки моим желаниям, начало подниматься с пола. Меня охватила паника, я видела, как мои ноги шаг за шагом тянут меня на кухню, но ничего не могла с этим поделать. Моё «я» было словно заперто в моем же собственном теле, которое больше мне не подчинялось.

– Прекрати это! – завизжала я.

«Перестанешь трепыхаться, прекращу».

Ноги дотащили тело до кухни, руки налили воды в чайник, нажали кнопку.

«Где у тебя кофе?» – спросил голос на этот раз вежливо.

– В шкафу, правая дверца, – обреченно ответила я.

«Вот и умница, – тут же похвалили меня за покорность. – Меньше истерик – и все будет чудно!»

Мои руки достали баночку с растворимым кофе, открутили крышку и насыпали немного в кружку.

«Растворимый кофе вреден, ты не знаешь? Кофеварку бы, что ли, прикупила».

– Мне по утрам некогда кофе варить, – процедила я сквозь зубы. Как он еще оставил мне способность говорить?

«Спать надо меньше, а то дрыхнут до последнего, а потом носятся как наскипидаренные и травят себя быстрорастворимой дрянью. Мне, между прочим, твое тело тоже нужно живым и здоровым».

Я ничего не ответила. Сжав зубы, пыталась сосредоточиться и получить контроль над своим телом. Ничего не получалось. На один короткий миг, мне показалось, что я начала чувствовать руки, но в следующее мгновение, ОН снова забрал контроль себе.

«Садись», – распорядился голос, и тут же мои ноги отправились к табуретке у стола и усадили меня на нее, руки придвинули чашку дымящегося кофе.

«Пей».

Я могла бы еще побрыкаться и побастовать, но чувствовала себя действительно ужасно, и очень хотелось пить. Мне бы сейчас минералочки или кефира, но уж точно не чего-то горячего. Однако выбора мне не предоставили. Лучше уж горячий кофе, чем ничего.

Осторожно отхлебнула черную жидкость. Да, все же кофе – то, что нужно. Я тут же почувствовала себя лучше, по телу разливалось тепло.

– Отпусти меня, – спокойно, без истерик, попросила я после третьего глотка. Мне ничего не ответили, но я тут же словно получила слабый разряд током изнутри и снова нача-

ла ощущать свои конечности. – Спасибо, – пробормотала я.
«Больше не будешь истерить?»

Ну, этого я пообещать определенно не могла. Не каждый день в твоей голове поселяется нечто, которое еще и способно полностью контролировать твое тело вразрез с твоими желаниями.

– Постараюсь, – честно ответила я.

«Так-то лучше».

Кем бы ни был этот странный голос, он явно не был настроен против меня и не проявлял враждебности, когда ее не проявляла я. Поняв, что мне ничего не угрожает, если буду «хорошо» себя вести, я немного осмелела.

– Ты предлагал меня вылечить. Голова раскалывается.

«А волшебное слово?» – в голосе послышалось самодовольство.

Я могла бы еще вступить в дискуссию, но боль в висках становилась невыносимой.

– Пожалуйста, – проямлила послушно.

В то же мгновение головная боль полностью пропала, и я вздохнула полной грудью.

– Вот это да! А если бы перелом? Тоже смог бы?

«Если закрытый», – ответил голос... смущенно?

– Спасибо, – искренне поблагодарила я.

«Мир?»

– Мир, – выдохнула я. Конечно же, мир. Кому понравится, когда твое тело тебе совершенно не подчиняется? Голос

замолчал, и я решила задать еще вопрос: – Это ты вчера управлял мной?

«Когда?» – полная невинности интонация.

– На работе и потом на вечеринке, – пояснила я, хотя и так знала ответ: ведь вчера я вполне могла собой управлять, только вот не могла остановиться.

«Нет, – как я и думала, ответил голос. – На работе и потом это была ты, я просто помог тебе расслабиться, снял самоконтроль и позволил тебе вести себя так, как ты того хотела».

Я вспомнила танцы у шеста и зажмурилась.

– Не хотела.

«Хотела. И я помог тебе расслабиться».

– И все это вытворяла я сама? – Попыталась вспомнить, как добралась домой, но это мне так и не удалось.

«Подловила, – сказал голос в ответ на мои мысли. – Я все же управлял тобой вчера. Пришлось отвести тебя домой, когда ты отключилась. Не хотелось, чтобы ты осталась ночевать в клубном туалете».

– Спасибо, – снова поблагодарила я и с досадой посмотрела в опустевшую кружку.

«Еще кофе?»

– Я сама! – выпалила я, пока у меня снова не отобрали мое тело, вскочила с табурета и бросилась к банке с кофе.

Голос захихикал, и в этот раз это не вызвало у меня раздражения. Должна признать, вел он себя вполне доброжелательно.

– Так кто ты такой? – наконец спросила я, наливая воду из чайника в кружку. Остыла. В недавно приобретенном мной чайнике вода остывала на удивление быстро.

«Кто я? Могу показать».

Я вскинула брови. Звучало устрашающе.

«Не бойся, – голос зазвучал мягко. – Возьми кружку в руку».

Я послушалась.

«А теперь расслабься».

С этим было сложнее. Как тут расслабишься? У меня были смешанные чувства: я была напугана, хотелось сбежать, но от себя никуда не убежишь, а странное создание поселилось не где-нибудь, а во мне.

Моя ладонь, сжимающая кружку, засветилась, но на этот раз это не причинило никакой боли. Огненный свет – а потом из кружки повалил пар, кофе закипел.

Я испуганно отдернула руку. Свечение тут же пропало.

– Что это было? – придушенно прошептала я.

«Часть моих способностей».

Интересно, мне показалось, или в голосе просквозило самодовольство?

Ну конечно, это он поджег меня в доме Акимовой!

«Я вживался в твое тело, – теперь голос звучал виновато. – Знаю, это болезненно».

Я закусила губу, пытаюсь переварить услышанное. Вживался, ну надо же. Вот только меня не спросили, согласна ли

я, чтобы в меня кто-то там вживался и перевернул всю мою жизнь с ног на голову.

– Кто ты? – спросила я требовательно.

Мне уже порядком надоели эти загадки, я почувствовала раздражение. Хотя этот загадочный некто и вернул мне контроль над моим телом. Мои эмоции по-прежнему плохо контролировались, я вела себя как Жевуны из сказки про Элли: была готова то смеяться, то плакать, мое настроение менялось каждую секунду.

«Я – Огненный Зверь».

– Что это еще за чудище?

« Попрошу без оскорблений».

Я смутилась. Уже поняла, что обижать этого Зверя небезопасно.

– Прошу прощения, – быстро извинилась я на всякий случай. – Но я никогда не слышала ни о каких огненных зверях. Есть звери: волки, медведи, а о об огненных в учебнике биологии не написано.

«Я не появился в процессе эволюции. Я был создан. Магически».

– Магии не существует, – тут же возразила я. Я всегда была разумной и не верила в подобные явления. Ну, может быть, иногда бывала суеверной, но в волшебство точно не верила.

«Магия существует. И ты уже видела ее проявления. Я одно из них».

Ладно, я вздохнула, допустим, это возможно. Но даже если все так, все равно ничего не стало ясно.

– И зачем же тебя создали?

Зверь вздохнул.

«Ошибка, я всего лишь случайная ошибка».

Я снова начала раздражаться.

– Будь добр, объясни толком!

Ошибка – не ошибка, это существо поселилось во мне. И раз уж я не могу его самостоятельно из себя вытащить, нужно хотя бы разобраться, что это такое и с чем его едят.

«Зверей не едят», – хихикнул голос.

Я задохнулась от возмущения: он еще и мысли читает!

«Спокойствие, только спокойствие», – напомнил Зверь.

Тоже мне, Карлсон. В эту минуту мне даже понравилось, что он может слышать мои мысли. Мне не пришлось говорить гадости вслух.

– Так откуда ты взялся? – потребовала я.

Ответ прозвучал уже не так уверенно и самодовольно:

«Я не знаю. Я живу на протяжении многих веков, люди передают меня от человека к человеку. Тайна моего создания давно утеряна».

Но сейчас меня мало волновал налет грусти в его голосе. От человека к человеку... Я задохнулась от внезапно вспыхнувшей надежды. Значит, я тоже могу передать его другому, а сама вернуться к нормальной жизни!

«Не обольщайся, – он снова прочел мысли. – Чтобы пе-

редать меня другому, ты должна научиться контролировать свои эмоции. Пока что у тебя это плохо получается».

Я зарычала от бессилия.

«Смешная, когда злишься», – тут же прокомментировал Зверь.

– Зачем Акимова засунула тебя в мое тело? – Я надеялась, что мой голос звучит достаточно твердо.

«За ней охотились. Многие люди хотят воспользоваться моей силой, знаешь ли. – Он сделал паузу, видимо, ожидая моей реакции, но я промолчала. – Нина не хотела, чтобы я попал в руки человека, использовавшего бы меня во зло, а потому пряталась и искала достойного преемника».

– И чем же я показалась ей такой достойной? – в моем голосе сквозил сарказм.

«Да ничем! – хихикнул Зверь. – Выбора особо не было. Ее тело было уже старым, ее бы в любом случае убили. У тебя был шанс».

– Дуракам везет, – пробормотала я скорее для себя. И все же еще было слишком много пробелов. – Не понимаю, – сказала я. – Если эти злые люди так жаждут обладать твоей силой, значит, сейчас они слабее. Почему тогда ты не использовал свои способности против них? Зачем Акимова передала тебя? Она ведь могла их сжечь. Или нет?

«Соображаешь, – неожиданно похвалил он. – Но она бы не стала этого делать, даже чтобы сохранить свою жизнь. Она была женщиной верующей, а меня считала искушением, со-

зданием из ада. Нина обладала огромной внутренней силой и держала меня под полным контролем. Считала, что, если выпустит мой огонь, я погублю мир».

Звери, верующие старушки-мученицы, волшебники. С ума сойти!

Я сидела молча, переваривая услышанное. Зверь тоже замолчал, предоставляя мне возможность свыкнуться со своим новым положением.

Что ж, у меня все же была надежда научиться себя контролировать и избавиться от нежеланного жильца в моей голове. Вопрос только: сколько времени это может занять? Дни? Недели? Годы? У меня мурашки побежали по коже при мысли о годах. Что станет теперь с моей жизнью? Крест на моей карьере и личной жизни?

«Ой, не надо так трагично! – не выдержал Зверь. – Вчера мы неплохо сработали вместе. Вот скажи, когда ты в последний раз чувствовала себя такой свободной и счастливой, как вчера?»

Я задумалась, стало невероятно обидно от его правоты. Перебирала в голове последние годы своей жизни и не находила ничего, кроме серой рутины.

«То-то же», – прокомментировал Зверь.

Вчера впервые я вела себя так, как хотела. И пусть это было иногда безумно, иногда грубо, это был полет моей души, я была бесстрашной, говорила именно то, что думала. Лосев всегда имел власть надо мной, я боялась ему перечить, тер-

пела все его оскорбления, а вчера сама усадила его в лужу.

Я поняла, что начала улыбаться.

И вдруг меня накрыл страх. Перед мысленным взором предстали остекленевшие глаза убитой старушки.

– Эти люди, которые убили Акимову, они придут за мной?

На этот раз Зверь ответил не так быстро.

«Возможно, – протянул он. – Если найдут».

Очень утешительно.

«Тебе нечего бояться, – заверил Зверь. – Мой огонь способен тебя защитить, если ты, конечно, не научишься в короткий срок меня сдерживать».

– Я похожа на камикадзе?

«Тогда тебе нечего бояться».

Хотелось бы и мне так думать...

Я допила кофе, помыла кружку и вернула ее обратно в шкаф.

Чувствовала себя прекрасно, Зверь абсолютно излечил меня от всех признаков похмелья, я была полна сил. Было ощущение, что способна свернуть горы. Но, в отличие от вчерашнего дня, я достаточно хорошо себя контролировала. И, несмотря на то что мне хотелось выйти на улицу и пересечь бегом весь город, я решила сегодня не покидать свою квартиру и попробовать все хорошенько обдумать.

В первую очередь я обратилась к интернету.

Села за стол и терпеливо ждала, пока загрузится мой не первой свежести ноутбук. Зверь молчал, но я все время чув-

ствовала его присутствие. Странное ощущение – будто кто-то все время за тобой наблюдает. Несколько раз я трудом перебарывала желание обернуться.

Наконец ноутбук включился, и я ввела в поисковик запрос: «Огненный Зверь».

Ни-че-го.

Мне предложили множество ссылок на библиотеки. «Конан-варвар и Огненный зверь» – вот единственная книга по моему запросу. Я пролистывала страницу за страницей, переходила от поисковика к поисковику, но везде меня встречал либо Конан, либо отдельные ссылки по словам «огненный» и «зверь». Никаких совпадений, никаких зацепок.

Я со злостью захлопнула крышку ноутбука, прижалась лбом к его прохладной поверхности. Мои пальцы нетерпеливо барабанили по крышке стола.

«Ну и чего ты бесишься?» – поинтересовался Зверь.

– А ты бы не бесился, если бы у тебя было тело, а в нем поселился кто-то, кроме тебя?

«Не знаю, у меня нет тела».

– Спасибо за понимание, – пробормотала я и встала, покружила по квартире. В моем теле было слишком много энергии, мне было некуда ее девать, и я не могла усидеть на месте.

Выругавшись сквозь зубы, принялась за уборку. В последнее время у меня не было ни сил, ни времени на свое жилище. Я приползала с работы без задних ног, ужинала полу-

фабрикатами и ложилась спать, а утром вскакивала, неслась в душ и снова ехала на работу.

Что ж, теперь я безработная, и у меня полно сил.

Всего за несколько часов привела мою квартиру в боже-ский вид, отмыла все до блеска, разложила вещи по местам, перестирала все белье, накопившееся в стиральной машине. Самое странное, что я совершенно не устала. Было ощущение, что прямо сейчас готова была бежать марафон по пересеченной местности.

Села на диван и стала перебирать книги, выбирая, что бы почитать. Но ни одна из них меня мало-мальски не привлекала. Мне хотелось не чтения, мой организм жаждал экшена.

«Поприседай», – хохотнул Зверь.

Не будь он в моей голове, я бы запустила в него чем-нибудь тяжелым.

– Если ты не захочешь, я так и не устану, да?

«Ну почему же? Устанешь. Вот машину дров разгрузи – устанешь. Я просто активизирую силы твоего организма, которые обычно не задействованы. Но я не делаю из тебя суперженщину. Как только силы израсходуются, ты устанешь, просто нужно работать гораздо больше, чем раньше».

В этот момент зазвонил домашний телефон. Я удивилась. Мой локальный номер почти никто не знал, все, кому я могла понадобиться, звонили на мобильный. Может быть, номером ошиблись? В душе зародилось нехорошее предчувствие, но я все же отправилась в прихожую, чтобы взять трубку.

– Да? – осторожно ответила, сама не зная, чего боялась. Ну не того же, что убийцы старушки предупредят меня звонком о своем приходе?

– Старший лейтенант Мартынов, – раздалось из трубки. – Могу я поговорить с Вербиной Изольдой Викторовной?

Мое сердце ушло в пятки. О самом важном я и забыла. Ну конечно, я же была последней, кто видел Акимову живой. Естественно, Лосев не утаил от общественности, что послал туда свою секретаршу.

– Это я, – сказала я как можно спокойнее. – Чем могу помочь?

– Просим вас завтра в первой половине дня явиться на допрос по делу об убийстве Акимовой Нины Ивановны.

Я с облегчением выдохнула. Раз не пришли допрашивать на дом, значит, я не вхожу в число главных подозреваемых.

– Конечно, я буду, – пообещала я, вырвала лист из телефонной книги и записала адрес. Старший лейтенант вежливо поблагодарил меня и повесил трубку.

– У нас проблемы, – сказала я.

«Ну, тебя же не арестовали».

– А благодаря кому я говорю только правду, а? – вскипела я. – Меня завтра спросят, кто убил старушку, а я возьму им и выложу про вспышки, про магов и про зверей!

«Я буду тебе помогать».

– Верни мою способность к самоконтролю, – потребовала я.

«Не могу».

– Это еще почему? – Я почувствовала, как меня снова накрывает волна раздражения.

«Ты должна сама научиться блокировать мое влияние, иначе ничего не получится».

Я зарычала.

«Даже если ты скажешь полицейским пару гадостей, от этого никто не умрет».

– Замолчи, – взмолилась я. – Мне нужно подумать.

Зверь, кажется, обиделся, судя по его недовольному урчанию, но все же замолчал.

Я покрутила листок с адресом отделения полиции в руках, затем засунула его в сумочку, стоящую в прихожей на трюмо, а потом подняла взгляд.

Я не узнавала свое отражение в зеркале, мои глаза лихорадочно блестели, щеки покраснелись. Приблизила лицо к зеркалу, внимательно вглядываясь в свои глаза. Да, мне не показалось: в глубине моих зрачков плясали огоньки пламени.

Кем я стала? Монстром?

«Расслабься, – беспечно посоветовал Зверь. – Прорвемся».

Я вздохнула и выключила свет в прихожей.

Глава 3. Монстр

Утром я снова открыла глаза в несусветную рань, как и в первый день пребывания во мне Зверя, и чувствовала себя бодрой и отдохнувшей.

Еще даже не рассвело, на улице тихо. Я покосилась на будильник: шесть утра.

– Ух! – выпустила воздух через сжатые зубы. Мне наконец-то не нужно было идти на работу, не было необходимости вставать с утра пораньше, куда-то торопиться, а я не имела возможности даже поспать.

– Зачем разбудил? – простонала, накрывая лицо подушкой.

«Кто рано встает!..» – пропел Зверь.

– Да иди ты, – пробормотала я и рывком села на постели. – Черт-те что!

Встала, потянулась, обула тапки и прошлепала в ванную. Самым обидным было признавать, что я действительно не хотела спать. Подумать только, всегда с таким трудом просыпалась по утрам и могла только мечтать о том, чтобы встать в таком состоянии бодрости. Сейчас я бы с радостью испытывала сонливость, чтобы зарыться носом в подушку и ни о чем не думать хотя бы до обеда.

«Не драматизируй», – Зверь снова вклинился в мое сознание.

Я молча закатила глаза к потолку. Вот ведь неугомонный.

Забралась в ванну и включила воду, надеясь, что звук журчащей воды хотя бы немного приглушит назойливый голос в моей голове. Как бы не так!

«Ну чего ты себя мучаешь холодной водой? – не унимался Зверь. – Так и простудиться недолго».

– Ла-ла-ла, – я зажала уши руками и начала громко петь, демонстрируя, что не слушаю его. Сделала воду еще ледянее.

«Дура», – буркнул Зверь в последний раз и наконец затих.

Мне это понравилось. Может быть, все не так безнадежно и мне все же удастся взять Зверя под контроль и избавиться от него? Зверь не стал комментировать мои мысли, но я ясно слышала скептицизм в его молчании.

Настроение снова испортилось.

Завернувшись в полотенце, как в кокон, я вышла из ванной. Нужно было составить план действий. Опять закрыться дома и не показываться людям на глаза, пока снова кого-нибудь не обидела своей неумной откровенностью? Но сколько я смогу так просидеть? Пару дней? Неделью? А что потом? В скором времени закончится еда в холодильнике, и мне все же придется выбраться из своего укрытия. И даже если поход в магазин пройдет без эксцессов раз, другой, то что делать, когда у меня элементарно закончатся деньги? Вчерашние гуляния и так порядком потрепали мой бюджет.

«Я бы на твоём месте так далеко не заглядывал и начал с похода в полицию, – снова вмешался всезнающий Зверь. –

Если помнишь, нам назначена встреча. Не хочешь же ты, чтобы они подумали, что ты скрываешься?»

Я замерла посреди комнаты. Вот черт, за всеми этими переживаниями я действительно совершенно забыла о звонке старшего лейтенанта. Как там его? Мартынова, кажется.

Казалось, портиться настроению еще больше просто некуда, но я снова ошиблась и почувствовала себя загнанной в угол.

«Не стой столбом, – подтолкнул Зверь. – Прихорашивайся. Твой лейтенант – мужик, а значит, презентабельный внешний вид не помешает».

– Много ты знаешь, – огрызнулась я. – Я, между прочим, вообще, как ты говоришь, мужикам не нравлюсь. Говорят, у меня взгляд: «Не подходи, зарежу».

Зверь гнусно захихикал.

Я только махнула рукой и пошла собираться. Мужик, не мужик, но привести себя в порядок стоило. Если в полиции поймут, что со мной не все в порядке, могут что-нибудь заподозрить.

Времени было полно, а потому я вдумчиво накрасила глаза и высушила волосы.

«А ты ничего, – вдруг сказал Зверь, рассматривая меня моими же глазами в зеркале. – Натуральная блондинка, зеленые глаза...»

– Тощая гусиная шея, – продолжила я за него, но в глубине души мне все же была приятна его похвала.

«Меньше самобичевания, – пожурил Зверь. – Прорвемся».

Забавно: он говорил о нас во множественном числе и одновременно как о едином целом.

Я заплела волосы в косу, надела джинсы, спортивную кофту на замке и кроссовки.

«Я за то, чтобы женщины носили платья», – недовольно заявил Зверь.

– Я уже позавчера дефилировала в платье. – Перед моим мысленным взором всплыл тот красный кусочек ткани, который я нацепила на себя перед походом в клуб. Пожалуй, стоит его выкинуть, чтобы больше никогда не возникло соблазна надеть – вдруг у меня снова случится умопомрачение?

Меня мой внешний вид вполне устраивал. Удобно и неброско: то, что надо. Я уже так истосковалась по удобной обуви после ежедневных шпилек, что, обув кроссовки, была готова просто летать.

Еще раз посмотрела в зеркало, а потом задумчиво покрутила ключи от машины на пальце. Автомобиль упорно ассоциировался с работой и однообразием.

Зверь тут же вмешался в мои мысли.

«Пробежимся?» – предложил он.

Я мысленно прикинула расстояние от моего дома до отделения. Это же даже на машине без пробок минут двадцать!

«И что?» – в его голосе слышался вызов.

В самом деле, и что? Я еще никогда не чувствовала себя

настолько полной сил. Кто знает, как долго продлится это состояние. Как говорится, пользуйся, пока можешь.

На моем лице появилась озорная улыбка.

– Ну давай. – Я швырнула ключи обратно на тумбочку. – Пробежимся.

***

Никогда не любила спорт, не понимала азарта тех, кто посвятил этому жизнь, самозабвенно занимался годами, вставал по утрам еще раньше, чем я сегодня, и отправлялся на стадион, чтобы побегать.

Как же я была не права. Как много упустила в своей жизни.

Я бежала так быстро, насколько позволяла длина ног. Ветер в лицо был просто восхитительным. Обгоняла сонных людей, неохотно плетущихся на работу, автомобили, уже собирающиеся в пробки, ленивые громоздкие автобусы.

Я чувствовала себя такой счастливой в этот момент. Свободной. А еще я перестала чувствовать Зверя так остро, как это было дома. А он молчал, позволяя мне насладиться своими новыми возможностями.

Я не уставала, даже ни разу не остановилась и не сбавила темп. Пробежала на высокой скорости около десяти километров и даже не запыхалась и не вспотела.

– Зверь, как такое может быть? – спросила, переходя на шаг, так как уже была в центре города.

«Люди используют лишь часть способностей своего организма, – напомнил он. – Я просто активизировал те, которые раньше тебе были за ненадобностью».

– Вот это да! – громко воскликнула я.

От меня шарахнулась женщина, идущая навстречу, разве что у виска пальцем не покрутила. Я покраснела.

«Вот что, дорогая, отвыкай разговаривать со мной вслух, – тут же посоветовал Зверь. – Не стоит выделяться».

Это уж точно, а то рубашки с рукавами-завязками мне не избежать.

«И ты будешь так же меня слышать?» – попробовала я сформулировать свой вопрос мысленно.

«Конечно. Я слышу все, что ты думаешь».

Умом я, конечно, понимала его правоту, но было очень сложно перестроиться и перестать общаться с ним вслух. Это действительно походило на сумасшествие – общаться с кем-то в своей голове.

«Уймись, ты не сошла с ума», – фыркнул Зверь.

«Пока что», – хмуро заметила я.

«Прекрати быть букой, тебе же нравится то, как я влияю на твое тело».

«Но не на мою голову».

«Да ладно, я же говорил, это временно. Со временем ты научишься себя контролировать».

Я вздохнула, расправила плечи и пошла еще медленнее, стараясь не привлекать к себе внимания. Чувство свободы и

полета от бега все еще было сильно во мне. Опустила голову и постаралась не улыбаться во весь рот, хотя мне очень этого хотелось.

Девять утра, а отделение полиции уже кишело людьми. Кто-то переминался с ноги на ногу в коридоре, кто-то бегал из кабинета в кабинет. Я чуть было не столкнулась в дверях с девушкой, которая мчалась вперед, не разбирая перед собой дороги. Только благодаря Зверю, который мгновенно захватил контроль над моим телом, нам удалось избежать столкновения. Я хотела было возмутиться по поводу того, что он снова управляет мной помимо моей воли, но он тут же вернул мне самообладание. И вместо негодяющих криков я вежливо попросила:

«Не делай так больше без спросу».

«Некогда было спрашивать», – проворчал он.

«И все же», – не отставала я, решив получить это обещание во что бы то ни стало.

Зверь недовольно заурчал, но все же сдался:

«Обещаю, что предупрежу в следующий раз».

Что ж, лучше такое обещание, чем ничего. Мне, конечно, хотелось, чтобы он пообещал вообще больше не управлять моим телом без моего участия. Но для списка достижений этого утра и такого обещания было вполне достаточно.

Я молча кивнула своим мыслям, затем подошла к дежурному у входа и спросила, где мне найти старшего лейтенанта Мартынова. Мне назвали номер кабинета и указали направ-

ление по коридору.

– Спасибо, – улыбнулась я.

Я опешила оттого, какой эффект возымела моя улыбка. Дежурный вдруг покраснел и заерзал, попытался отвести взгляд и уже куда-то себе в ворот рубашки пробормотал:

– Не за что.

Я ничего не поняла, но на всякий случай отошла от него подальше.

«Что с ним?» – мысленно прошипела Зверю.

«Ты прекрасна!» – выдал тот и гнусно захихикал.

«Как это понимать?!» – Я была так взбешена его смехом, что чуть не заговорила с ним вслух.

«А ты как думала? Я же говорил, что активизировал те функции твоего организма, которыми ты раньше не пользовалась. Включил флюиды, так сказать». – И снова смешок.

Я задохнулась от возмущения.

«Что ты сделал?!»

Встала посреди коридора как вкопанная, мужчина с кипой бумаг в руках задел меня плечом и выругался. Я испуганно отскочила в сторону. Вот черт.

«Расслабься, – продолжал ухохатываться Зверь. – Все к лучшему».

Его все это, похоже, ужасно веселило. Возможно, если бы это происходило не со мной, то мне бы тоже было смешно. Сейчас же подобное вмешательство было для меня оскорбительным.

Я постаралась взять себя в руки и направилась дальше по коридору в поисках кабинета с нужным номером. Дежурный, должно быть, уже предупредил старшего лейтенанта о посетителе, и не стоило заставлять офицера ждать.

Обнаружив кабинет с номером «девять», я постучала в дверь. Получилось чересчур резко, будто к себе домой ломилась.

– Открыто, – отозвался мужской голос.

Я глубоко вздохнула и повернула дверную ручку.

Кабинет оказался очень маленьким и тесным. Несмотря на размеры помещения, какой-то противник эргономики втиснул туда целых три рабочих стола. В данный момент занят был только один – в углу.

Я мельком глянула на обитателя кабинета и еще раз осмотрелась. Как здесь можно работать втроем? И как он, интересно, проходит к своему рабочему месту? Бочком?

«Не отвлекайся», – вмешался Зверь.

Признав его правоту, я сфокусировала взгляд на старшем лейтенанте. Это был молодой человек, не старше меня. Худой, рыжеватые волосы, голубые глаза, пристально смотрящие на меня. Что-то было в этом старшем лейтенанте смутно знакомое, но что, я пока не могла понять.

Едва я открыла рот, чтобы представиться, как полицейский вскочил.

– Изольда! А я-то думал, может, совпадение, тезка. Хотя наткнуться на тезку с твоим-то именем...

– А что не так с моим именем? – я нахмурилась, и мой голос прозвучал угрожающе.

Полицейский отпрянул.

– Изольда, ты меня не узнаешь?

Я еще раз смерила его взглядом. Где-то я его видела, вопрос: где и когда. Хотя «когда» явно относилось к далекому прошлому.

– Не совсем, – ответила так же настороженно.

– Ну это же я! Димка Мартынов! Мы с тобой вместе в пятом классе учились! За одной партой сидели!

Я старательно покопалась в памяти. Школа – десятилетний ад, о котором я предпочитала не вспоминать. Пятый класс... Что я помнила о пятом классе? Сломала ногу, катаюсь с горки, и всю четверть провалялась в кровати, вот что я помнила. Димку Мартынова – определенно нет.

По выражению моего лица он понял, что радостной встречи одноклассников не произойдет, и тоже нахмурился.

Это несчастное выражение лица мне что-то напомнило. Перед глазами предстал рыжий болезненный мальчик, которого вечно обижал весь класс, а однажды мальчишки даже примотали скотчем к парте. Его отец был военным, они часто переезжали, и Димка проучился у нас всего один год, а потом его семья снова переехала, и я Мартынова больше не видела.

– Димка! – наконец воскликнула я, чего он ожидал с первой минуты, как открылась дверь. – Мартынов! Сколько лет!

Его лицо смягчилось, появилась улыбка.

Теперь я бесцеремонно разглядывала мужчину. Что ж, надо признать, из гадкого утенка-пятиклассника, он превратился если не в лебедя, то в кого-то не менее привлекательного. Его худоба больше не казалась болезненной, как в школе, такого парня назвали бы скорее жилистым, чем тощим. Веснушки, покрывающие в детстве все лицо, поблекли, а волосы, бывшие когда-то чуть ли не морковными, посветлели, оставив лишь легкий отсвет рыжины.

– Классно выглядишь! – вынесла я вердикт, расслабляясь. – Никогда бы не узнала без подсказки.

– Ты тоже! – выдохнул он. В его глазах была неподдельная радость от нашей встречи, я даже смутилась. – Садись-садись, – он заметил, что я все еще стою перед его столом. – Может, чаю?

Я покосилась на чайник в другом конце этого мини-кабинета, представила, как долго ему пробираться до него, обруливая другой стол, тумбочку и огромный цветок, невесть за-чем поставленный в этом маленьком помещении, и покачала головой.

– Нет, спасибо.

– Ну, как хочешь, – легко согласился Мартынов, видимо, ему самому не больно-то хотелось ползти по пересеченной местности. – Я действительно рад тебя видеть, ностальгия, что ли. Знаешь, меня многие сейчас не узнают. Видимо, считают, что веснушки и очки должны были прирасти ко мне

на всю жизнь.

Я почувствовала, что он очень хотел мне понравиться. Детские комплексы, не дающие покоя во взрослой жизни?

Под его пристальным взглядом стало неуютно. Я заерзала на стуле.

Дима почувствовал мою неловкость и тут же придал себе деловой вид.

– Что касается дела, по которому я тебя пригласил... – Я вся превратилась в слух. – Твой начальник утверждает, что ты последняя видела убитую в живых.

– Бывший, – не удержалась я от уточнения. Черт бы побрал Зверя, подталкивающего меня быть честной.

– Что – бывший? – не понял Мартынов.

– Начальник. Бывший.

– Он уволил тебя из-за этого? – удивился он. В его голосе было возмущение.

– Я сама себя уволила, – поспешила я объяснить, пока следователь не нарядился в доспехи и не бросился меня защищать с мечом наперевес. Его реакция вызвала мимолетную улыбку. – Не сошлись во взглядах.

– Понятно, – деловито пробормотал Мартынов и что-то записал в блокнот, я поборола в себе желание вытянуть шею и подсмотреть, что он там пишет. – Что ты можешь рассказать о своем визите к Акимовой?

Упс...

«Напрягись и соври!» – приказал Зверь.

Хотела бы я, чтобы это было так просто. Соври – ха!

– Что именно я должна рассказать? – попробовала выкрутиться.

Кажется, Мартынов не заметил заминки. По крайней мере, я на это надеялась.

– Ты пришла к ней. Вы встретились? Она была жива?

Я немного расслабилась. Легкий вопрос, не пришлось даже пытаться соврать.

– Живехонька, – кивнула я.

– О чем вы говорили? – Он снова что-то записал.

– О продаже ее участка. Она отказалась и выпроводила меня вон, – вот так, коротко и честно. До двери же старушка меня успела выпроводить, не так ли?

– И ты ушла? – Кажется, краткость моего рассказа все же вызвала у него подозрения.

– Ушла, – с готовностью ответила я. Ведь ушла же, неважно, что моими ногами в тот момент управлял Зверь, но ушла. – Приехала домой и легла спать, – зачем-то уточнила я.

Мартынов продолжал сверлить меня взглядом.

– В ее поведении было что-нибудь необычное? Она кого-то ждала? Или нервничала?

– Да у нее вообще было странное поведение! – выпалила я прежде, чем успела прикусить себе язык.

В его глазах засветился интерес, он даже поудобнее перехватил ручку, чтобы записывать.

– И в чем же оно выражалось? – терпеливо уточнил следователь.

Мне захотелось спрятаться под стул. Вот сейчас раскрою рот и погублю себя, и меня не спасет даже ностальгия Мартынова по школьным годам, он всплукнет от воспоминаний и упечет меня в дурдом с чувством выполненного долга.

Зверь молчал, предоставив мне одной отдуваться.

– Она разговаривала сама с собой, – кое-как профильтровав поток информации, лившейся из меня, выдала я.

– И что же она говорила?

Тьфу ты, какой терпеливый. Интересно, по моему лицу заметна внутренняя борьба?

– Она говорила сама себе, что за ней пришли, а потом сама себе отвечала, что думала, что не придут, но они пришли. – Я окончательно проиграла бой со своей честностью.

– Как интересно, – пробормотал Мартынов, записывая. – В домике была она одна, ты никого больше не видела?

– Не видела, – эти слова дались нелегко. В итоге просто обманула сама себя, я же действительно никого не видела, только черные ботинки. Кажется, это называется подмена понятий.

– Отлично. – Дима записал еще что-то и отложил ручку. – Если появятся вопросы, мы тебя снова вызовем.

И это все? Я чуть было не растеклась лужицей по стулу от облегчения. Попыток не будет? Поверил?

– Не думаю, что чем-то смогла помочь, – сказала я, пыта-

ьясь оставить о себе приятное впечатление.

Мартынов на меня смотрел очень доброжелательно. Интересно, это мои новые флюиды?

– Помогла, – сказал он. – Теперь мы знаем, что она знала, что ей угрожает опасность. Значит, это не случайные бандиты, проходившие мимо и зашедшие на огонек. Значит, убийство было запланировано. Осталось найти мотив, и дело в шляпе.

Вот ведь дерьмо, выходит, я действительно им помогла. Но ведь даже если они выйдут на убийц, швыряющихся молниями, это же не приведет их ко мне и к Зверю? Хотелось бы верить...

Я крепче сжала сумку, готовясь встать.

– Я могу идти?

На его лице появилось странное выражение, которое я могла растолковать только как нежелание меня отпускать. Ох уж эти способности Зверя.

– Конечно. – Его улыбка была капельку грустной. – Я попросил бы тебя пока никуда не уезжать. Могут возникнуть вопросы. Возможно, тебе придется свидетельствовать в суде.

Я внутренне сжалась. Этого мне еще не хватало для полного счастья.

– Хорошо. – Натянуто улыбнулась и встала. – Было приятно повидаться. – Я протянула ему руку.

Он заметно удивился моему жесту, вскинул брови, но руку все-таки пожал и не отпускал чуточку дольше, чем этого

требовал этикет.

– Взаимно.

Я кивнула, все еще не веря в свою удачу, и повернулась к двери.

– Изольда!

Я вздрогнула. Вот зараза.

– Да? – Обернулась с самым невинным выражением на лице.

– Может, поужинаем вместе?

Тут уж даже Зверь признал:

«Похоже, я перестарался с твоей привлекательностью».

«Молчи лучше», – мысленно прошипела я.

Поужинать со следователем, ведущим дело об убийстве старушки, свидетелем которого я стала и о котором уж точно никому не хотела рассказывать? А заодно и привлечь к себе внимание убийц, которые были бы просто идиотами, если бы не присматривали за ходом расследования? Ну уж нет.

– Может быть, в другой раз, – произнесла я один из самых вежливых вариантов отказа, которые пришли мне на ум.

Он вынес отказ стойко.

– Без проблем. – Его улыбка была вежливой.

Я кивнула и вышла.

«Уф-ф! Чуть не прокололись!» – посетовала я, сама не замечая, что начала, как и Зверь, говорить о нас во множественном лице.

«Говорил же, прорвемся!»

Я поняла, что довольно улыбаюсь, все еще стоя возле двери кабинета Мартынова. Проходящий мимо мужчина улыбнулся мне в ответ. Я смутилась.

«Зверь! Выключи это!» – разозлилась я.

«Прошу прощения, – ответил он совершенно бесцеремонно. – Это не выключается. Процесс активизации ...э-э... неиспользуемых способностей происходит во время вживания. Теперь ничего не поделаешь».

Я ответила улыбающемуся мужчине злым взглядом и почти бегом бросилась из отделения.

***

Сегодня выдался теплый солнечный день. Я стянула кофту и повязала ее на талии, оставшись в майке. Медленно шла по улице, подставляя лицо солнечным лучам, будто только что выбралась из темной пещеры.

«Успокоилась?»

«Немного».

«Что еще тебя беспокоит?»

«А то... – Я с грацией балерины перепрыгнула через лужу, оставшуюся после недавнего дождя. – Что я прохожу по делу Акимовой свидетелем. Вычислить меня не составляет никаких трудностей».

«Они тебе ничего не сделают, пока я ничем не ограничен», – заверил Зверь.

Однако это меня не слишком успокоило. Дурное предчув-

ствие не покидало. Начался рабочий день, улицы опустели, и тем не менее у меня сохранялось ощущение, что за мной наблюдают. И это не относилось к Зверю.

«А мое предчувствие тоже обострилось?» – поинтересовалась я.

«Возможно», – неопределенно ответил Зверь.

Я вздохнула.

Продолжала идти по тротуару вдоль дороги и думала о сегодняшней реакции на меня мужчин. Это было так необычно и забавно. А ведь раньше я этого хотела. Теперь же это вызывало неудобство. Вечно находясь в тени, я, оказывается, никогда и не хотела быть в центре внимания.

Зверь замолчал, позволяя мне окунуться в свои собственные мысли.

Как странно, теперь у меня было все то, о чем я мечтала до этого, все, кроме уверенности в завтрашнем дне. Я не привыкла к этому и, пусть не была довольна своей текущей жизнью, всегда знала, что будет завтра. Теперь все стало иначе, а еще больше меня пугало, что все это мне ужасно нравилось.

Я не додумала мысль, меня отвлек визг тормозов.

Резко обернулась: из-за угла вырулил черный фургон и мчался прямо ко мне.

Мгновение шока, и тут Зверь закричал:

«Беги!»

Пронзительный крик обитателя моего тела вывел меня из ступора. Я побежала. Побежала еще быстрее, чем утром, по-

неслась со всех ног, настолько быстро, насколько позволяло мое усовершенствованное тело.

Улица слилась перед глазами в одно неясное пятно, а я думала только о том, как бы бежать быстрее. Кто бы это ни был, они явно не ехали затем, чтобы со мной просто поговорить.

Но, как и сказал Зверь, он не сделал меня суперженщиной, а только раскрыл те способности, которыми я не пользовалась или пользовалась не в полную силу. Я могла быстро бегать, но не могла бежать быстрее несущейся машины. Улица была прямая, ни одного поворота, ничего, куда можно было бы спрятаться.

Фургон остановился прямо передо мной, заехав передними колесами на тротуар. Оттуда выскочили двое мужчин внушительных размеров. Таким бы на ринге бороться, а не за девчонками по городу бегать.

Я рванулась назад, но один из амбалов оказался еще быстрее меня. Он бросился за мной и прыгнул, вытянув вперед руки, таким образом умудрившись ухватить меня за ногу. Я упала, чувствуя, как в кровь разбиваю руки об асфальт.

– Отпустите меня! – завопила, вырываясь, когда подоспел второй и начал вязать мне руки. – Пустите!

Я громко кричала. Никто не бросился мне на помощь. Не открылось ни одного окна.

Мне захотелось разрыдаться.

Они подняли меня на ноги и потащили в фургон. Я попы-

талась брыкаться, но тот, что держал сзади мои связанные руки, так сжал мою правую кисть, что мне показалось, будто в ней что-то треснуло. Я взвизгнула и прекратила попытки освободиться самостоятельно.

«Зверь! – завопила на этот раз мысленно. – Ну чего же ты ждешь?! Ты обещал спасти меня!»

В ответ было молчание.

«Зверь!»

А затем раздалось тихое и неуверенное:

«Я не могу...»

Его голос доносился словно издалека, я не могла понять, что происходит. Он же говорил, что мне нечего бояться, что справится с любой опасностью.

Меня швырнули в фургон на пол. Один из амбалов сел напротив, не сводя с меня глаз, будто перед ним было опасное дикое животное. Второй пошел за руль.

Я всхлипнула, а потом отчаянно постаралась сморгнуть непрошенные слезы. Не хватало еще разреветься.

Зверь снова заговорил: «Специально ты еще не можешь меня ни контролировать, ни тем более блокировать, но, оказывается, подсознательно у тебя это прекрасно получается, – теперь его голос звучал спокойно и был наполнен сарказмом. – Твоя паника меня полностью парализовала. Я ничего не могу сделать».

«И что теперь делать?»

Мое сердце с бешеной скоростью бухало в груди. Он был

прав: я задыхалась от паники, в жизни не попадала в подобные ситуации.

«Расслабься».

«Ты издеваешься?!»

«Ну, как хочешь».

И снова замолчал.

«Нет, Зверь, пожалуйста!» – взмолилась я, чувствуя, что фургон несется с бешеной скоростью. Если промедлить еще немного, будет поздно.

«Расслабься».

Боже, да если бы это было так просто.

Я закрыла глаза. Фургон подбрасывало на кочках, и это еще больше мешало сосредоточиться.

Как там в йоге? Расслабиться, найти островок спокойствия у себя в душе... Подумать о чем-нибудь приятном. О чем? Например, о маме. Я давно у нее не была. Представила, как приезжаю к родителям. Мама испекла пирожки, они очень вкусные, таких не купишь в магазине. А папа смастерил мне полочку своими руками, и такую тоже не приобрести за деньги...

«Молодец, девочка, – отозвался Зверь на этот раз значительно громче. – Еще».

Я действительно старалась, но заставить себя успокоиться было невероятно сложно. Наконец я сама почувствовала, как сердце перестало так отчаянно биться, пульс замедлился. Сколько это заняло времени? Несколько минут? Полча-

са? Как далеко меня увезли?

В этот момент Зверь изрек: «Показываюсь!» – совсем как Большой Ух из мультфильма. Меня словно прожег электрический разряд. Я почувствовала, как напряглись мои руки, как вытянулись пальцы, и с них полились языки пламени, прожигающие пути.

– Тормози! – заорал тот бандит, что следил за мной, водителю.

Он бросился на меня, но не успел. Мое тело уже поднялось навстречу ему. Встав на одно колено, я выбросила вперед руку с растопыренными пальцами, и с нее хлынул поток пламени. Прямо в лицо похитителя. Он даже вскрикнуть не успел, кожа на его лице будто взорвалась, мне показалось, что я даже увидела белые кости под горячей плотью. Запахло паленым мясом.

В этот момент я поняла, что фургон больше не движется. Дверь распахнулась. У второго похитителя задрожали колени, когда он увидел, что стало с его напарником. В моей голове не было мыслей, я пребывала в полнейшем шоке. Но мое тело легко развернулось навстречу второму обидчику, рука снова начала медленно подниматься. Похититель заорал и побежал. Но от Огненного Зверя не так-то просто уйти.

Я зажмурилась, когда с кончиков моих пальцев снова сорвалось пламя.

Крик смолк, и я снова начала ощущать свое тело.

Рухнула на колени и заревела. Ревела отчаянно, в голос.

Я только что убила двух человек. Сожгла заживо. Хладнокровно убила...

Меня сотрясала крупная дрожь, но я не могла ни успокоиться, ни остановиться. Кем я стала? Чудовищем? Монстром? Я опасна для общества, лучше бы это они меня убили, чем это. Перед моими глазами все еще стояло лицо того похитителя, который сидел возле меня в фургоне, лицо, с которого слезала обгоревшая кожа.

«Это я чудовище, а не ты», – грустно сказал Зверь.

Я заревела еще сильнее.

«Успокаивайся, – Зверь снова попытался воззвать к моему разуму. – Нам нужно понять, куда они тебя завезли. Что это? Лес?»

У меня не было сил, чтобы поднять голову и тем более открыть глаза. Лес так лес, пусть я умру в лесу. Чудовищам не место среди цивилизации.

Послышался звук приближающегося автомобиля.

«Кого несет?» – зло пробормотал Зверь.

– Нет! – вскинулась я. – Не надо больше никого убивать! –

И снова задохнулась.

Из-за угла вырулил черный джип. Я не особо разбиралась в марках дорогих автомобилей. Всех моих познаний хватило на то, чтобы определить, что это был «BMW».

Джип остановился на безопасном от меня расстоянии. Хлопнула дверца. Кто-то вышел.

Я не смела поднять глаз. Чувствовала себя монстром, чудовищем, не заслуживающим жизни. Видела лишь ноги в голубых джинсах, приближающиеся ко мне. Мне было все равно. Лишь краем сознания отметила, что эти ботинки не были похожи на те, которые я видела в доме старушки.

Ноги приблизились ко мне и остановились. Видимо, вновь прибывший осматривал место происшествия. Потом опустился на корточки рядом со мной.

– Как ты? – мягко спросил совершенно мне незнакомый мужской голос.

Я замотала головой, но ничего не ответила. Надо же, какой вежливый. Наверное, увидел, что стало с его грубыми предшественниками, и решил быть милым. Впрочем, мне было уже совершенно все равно, кто меня убьет.

«Нет, – вмешался Зверь. – Этот не с ними».

Я не верила. Как же, не с ними. Во-первых, он явно ехал за нами, так как появился слишком быстро. А во-вторых, любой нормальный человек, не связанный с этим делом, умчался бы прочь, увидев два обгоревших трупа. А этот – нет, интересуется, как я, да еще и таким нежным голосом. Кого вообще волнует, как я? Меня – точно нет.

Незнакомец, наконец понял, что ждать от меня ответа бесполезно, взял меня за плечи и поставил на ноги. Его руки были теплыми, моя кожа ледяной, я дрожала. Он почувствовал. Поддерживая меня одной рукой, чтобы не рухнула на землю, развязал мою кофту на поясе и накинул на плечи.

Я все еще не поднимала глаз.

Почему он такой заботливый? Думает, если я буду в тепле, мне будет легче умирать?

«Никто не собирается тебя убивать», – разозлился Зверь, но я снова его проигнорировала.

Тем временем теплые руки приобняли меня за плечи и повели к черной машине. Открыли дверцу.

– Садись, – сказал хозяин авто. Я по-прежнему не поднимала глаз.

Послушно села, сжавшись в комок.

Незнакомец постоял возле меня еще несколько секунд, видимо, раздумывая, что со мной делать, затем наклонился и защелкнул на мне ремень безопасности, и только после этого захлопнул дверь.

Обошел машину с другой стороны и занял водительское место. Запустил двигатель.

Теперь я видела его руки. Ухоженные мужские руки с длинными пальцами, они уверенно расположились на руле.

Автомобиль тронулся.

Наконец я решилась поднять взгляд. Пусть этот незнакомец с приятным голосом и красивыми руками везет меня на смерть, так я хотя бы взгляну в глаза своему убийце.

В глаза взглянуть не получилось – он не смотрел на меня. Я видела лишь его профиль – водитель следил за дорогой.

Лет тридцать, каштановые волосы, прямой нос, правильные черты лица. Цвет глаз из моей позиции было не разгля-

деть. Хотя я поймала себя на том, что мне стало очень интересно увидеть его анфас.

Незнакомец был красив, все же заключила часть моего женского существа, которая даже в критический момент оказалась способна оценить привлекательного мужчину.

Что ж, все к лучшему. По крайней мере, мой убийца красавчик.

Меня мутило от пережитого. Я попыталась смотреть на дорогу, но не понимала, ни где мы, ни куда едем, поэтому принялась изучать лицо незнакомца. У него был сосредоточенный вид, он о чем-то думал, иногда хмурился без всякой видимой причины.

Я поерзала на сиденье, усаживаясь поудобнее, задела ремнем разбитую руку, острая боль прожгла предплечье.

Незнакомец поморщился.

Как странно, мне показалось, я даже не ойкнула, хотя было очень больно.

«Прости, забыл, – отозвался Зверь, – сейчас полечу. Расслабься».

По моей руке распространилось тепло, раны затягивались на глазах. Никогда такого не видела.

«Расслабься», – нараспев повторил Зверь, в то время как тепло разливалось по моему телу.

«Я пытаюсь», – хотела сказать я, но не смогла.

Мои глаза закрылись, и я потеряла сознание.

Глава 4. Друзья

«Очнись, – звучал назойливый голос в моей голове. – Очнись, кому говорят! Очни-и-ись!»

У-у-у... Я не могла заставить себя разлепить веки. Чувствовала, как затекло тело, долгое время пробыв в одной неудобной позе, но шевелиться все равно не хотелось. Я чувствовала солнечный свет, такой теплый, такой согревающий.

Сознание возвращалось медленно. Сначала мне казалось, что я сплю в собственной постели, а этот надоедливый голос – мелодия моего будильника. Мне не хотелось вставать, я хотела подольше понежиться под одеялом, ни о чем не думать, а просто расслабиться, вытянуться во весь рост, разбросав руки по кровати.

Поерзала и попыталась натянуть на голову одеяло, чтобы хоть немного приглушить голос. Мои руки поймали пустоту. Я замерла. Реальность окатила меня холодом с ног до головы: я была вовсе не у себя дома в постели.

Я резко распахнула глаза и тут же зажмурилась от яркого света.

«Очнулась, спящая красавица! – тут же поддел Зверь. – Вставай, а то так самое интересное проспичь».

Часто моргая от слепящего света, я попыталась оглядеться. Итак, я обнаружила себя на переднем пассажирском сиденье незнакомого мне автомобиля, и солнечный свет, кото-

рый мне мешал, шел сквозь лобовое стекло. Я вздрогнула и осторожно скосила глаза, потом облегченно выдохнула: водительское место было пустым. Автомобиль не двигался.

В голове стали восстанавливаться события, произошедшие до того, как я потеряла сознание.

– О господи! – выдохнула я и закрыла лицо руками. В моей памяти снова всплыл запах горелой плоти.

«Прекрати», – приказал Зверь. Но я только замотала головой.

Где я теперь? Куда притащил меня этот незнакомец? Зачем я им всем понадобилась?

«Если перестанешь нагнетать панику, то узнаешь гораздо больше», – философски заметил Зверь.

Будучи вынужденной согласиться с его правотой, я отняла ладони от лица, но снова ничего не смогла разглядеть из-за слепящего света.

«Если не будешь всякий раз закрывать глаза, они быстрее привыкнут к свету», – продолжал издеваться Зверь.

На этот раз из ступора меня вывело раздражение.

«Не умничай, – мысленно прорычала я. – Лучше расскажи, куда мы вляпались».

Я внимательно разглядывала улицу, пытаюсь определить свое местоположение. Центр города? Я не верила своим глазам. Когда те двое похитителей завезли меня в лес, это было логично, но зачем убийцам тащить меня в самое людное место?

Автомобиль, в котором я находилась, был припаркован у одного из многоэтажных офисных зданий в самом центре. Мимо проходили люди.

Если меня опять похитили, то почему не связали, как те, первые? Почему не охраняют?

«Да прекратишь ты или нет? – снова воззвал ко мне Зверь. – Если бы ты не впадала в крайности и послушала меня, тебе бы все стало ясно».

Я глубоко вдохнула и выдохнула, пытаюсь успокоиться.

«Слушаю».

«Наконец-то, аллилуйя!»

«Зверь, – попросила я, – может, хватит? Ты обещал объяснить».

Видимо, он понял, что перегнул палку, и перестал шутить. Мое состояние было близко к истерике.

«Ладно, – сказал Зверь тоном, лишенным эмоций. – Посмотри направо. – Я послушно вытянула шею. – Еще правее, – распорядился он. – В-о-о-от! Видишь, вон там, недалеко от входа в здание?»

Прищурилась, вглядываясь. О да, теперь я увидела его, того самого парня, который увез меня из леса. Он расхаживал взад-вперед, держа телефон возле уха, и с кем-то разговаривал. В мою сторону не смотрел. Конечно же, на таком расстоянии не было и надежды подслушать.

«Я уже подслушал, – вмешался Зверь. – Он извинялся перед кем-то, что не успел опередить тех, кто тебя схватил.

Уверял, что ты не подвергалась риску, потому что он все равно бы успел тебя спасти».

«Так он не с ними?» – все еще не верила я.

«Я тебе это еще в лесу сказал».

«Но что ему нужно?»

«Это вопрос».

«Но как ты умудрился подслушать на таком расстоянии?» – внезапно спохватилась я. Мне ужасно хотелось знать, о чем разговаривает незнакомец.

«Я еще и не то могу».

Я отмахнулась от самодовольства, которое прозвучало в его голосе.

«Можешь сделать так, чтобы я тоже могла услышать?»

«Да пожалуйста!»

Похоже, Зверь обиделся, что я не стала восхищаться его способностями.

Мгновение – и меня накрыла волна звуков. Все стало гораздо громче: рев моторов, проезжающих мимо машин, цокот каблучков, я даже услышала звук бумажного листка, который ветер гнал по тротуару.

«Сфокусируйся», – посоветовал Зверь.

Я снова поймала незнакомца взглядом и прислушалась.

– Да знаю я, – говорил он кому-то. – Но нам некуда торопиться. Вы бы видели ее состояние. Зверь на ее глазах сжег двух человек. – Я затаила дыхание: он знает о Звере! А незнакомец продолжал: – Не каждый воспримет это как само

собой разумеющееся... Нет, не сбежит. Я здесь, рядом. Как только придет в себя, поднимемся... – Он внезапно осекся и посмотрел в мою сторону. Окна его автомобиля были затонированы, и я была готова поклясться, что он не мог видеть, что я за ним наблюдаю. – Все, она очнулась. – Я вздрогнула. Как он узнал? – Что чувствует? М-м... Что-то на грани истерики. Сейчас попробую успокоить. – Он закончил разговор, убрал телефон в задний карман джинсов и направился ко мне.

Я вжалась в сиденье.

«Зверь, – взмолилась мысленно, – как он узнал, что я пришла в себя и что чувствую?»

Мне захотелось сбежать отсюда. Только сейчас я поняла, что все еще пристегнута ремнем безопасности, и торопливо расстегнула его – вдруг все же придется убежать.

«Зверь!»

Незнакомец был совсем близко.

«Я думаю».

«Чего тут думать?!»

«Мне кажется этот парень – маг».

«Чего-чего?»

«Маг, достаточно редкий в наше время. Он эмпат».

Я порылась в голове в поисках определения этого слова.

«Это который чувствует эмоции других людей на расстоянии?»

«Чувства, эмоции. Я заподозрил это еще тогда, когда

он поморщился, когда у тебя заболела рука. Осторожнее с ним».

Зверь замолчал, потому что незнакомец подошел к машине. Мое сердце бухало в груди. Маг? Который чувствует все то же, что и я? Боже, пусть я сейчас проснусь дома!

Хозяин автомобиля тем временем открыл дверцу с моей стороны. Я постаралась ответить ему спокойным взглядом, но унять сердцебиение никак не могла.

Он смерил меня взглядом и нахмурился. Если Зверь оказался прав, и этот человек действительно чувствует мое состояние, естественно, что мой страх и недоверие ему не понравились.

– Привет, – сказал он все тем же приятным успокаивающим голосом, который я запомнила. – Не надо меня бояться. – Отступил на шаг назад, продемонстрировав пустые ладони. – Я не причиню тебе вреда.

Я смотрела на него, пытаясь перебороть в себе желание отвести взгляд. Я правильно запомнила его лицо перед обмороком: он был красив. Светлые, серые глаза смотрели на меня выжидающе. Интересно, сколько продлится его терпение, если я так и не пошевелюсь и не отвечу? Вытащит ли он меня силой из своего автомобиля или продолжит уговаривать?

Пока незнакомец вел себя вполне терпеливо.

– Я не прошу тебя мне доверять, – сказал он. – Я понимаю, какой стресс ты испытала, и это моя вина, что не успел

вовремя.

– Как раз застал кульминацию, – пробормотала я. Моя откровенность снова рвалась наружу.

Краешек его губ дернулся. Хотел улыбнуться?

– Может быть, выйдешь из машины? – спросил он. – А то так не очень удобно разговаривать.

Глядите-ка, какой милый. Недоверие боролось во мне с раздражением и желанием убраться отсюда. Даже лучше, если Зверь не ошибся и этот парень действительно эмпат: не придется ему лишний раз объяснять, что я не вполне расположена к светским беседам.

Он все еще выжидающе на меня смотрел. Под этим пристальным взглядом я чувствовала себя голой.

Все же я первой отвела взгляд и вышла из машины. Мужчина благоразумно отступил, чтобы не оказаться ко мне слишком близко, за это я была ему благодарна. Внимательно и не скрываясь, осмотрела незнакомца с ног до головы и сделала вывод: внешне он мне определенно нравился.

Видимо, что-то в этот момент промелькнуло в моих эмоциях, потому что на сей раз мужчина улыбнулся. Вот черт.

Мое раздражение вырвалось наружу, и я выпалила:

– Все, я вышла. А теперь я требую объяснений, кто вы такой и куда меня завезли!

Его глаза удивленно расширились, но он не стал комментировать мой выпад. Видимо, ему все же было от меня что-то нужно, иначе не был бы таким вежливым.

– Меня зовут Кирилл, – представился мужчина и протянул руку. Совсем недавно я пожимала ладонь Диме Мартынову, не испытывая по этому поводу никаких эмоций. Сейчас же мне хотелось держаться от этого Кирилла подальше. Вспомнилась извечная женская мудрость: от красивых мужчин добра не жди.

Сделала над собой усилие и все же пожалала протянутую руку.

– Изольда.

Его ладонь была сухая и теплая, а прикосновение не вызвало неприятных ощущений.

– Изольда, – повторил Кирилл, внимательно следя за моей реакцией, – я прошу тебя пойти со мной и поговорить с человеком, который способен многое тебе объяснить и помочь научиться управлять Огненным Зверем.

Не знаю, почувствовал ли он или увидел испуг, отразившийся в моих глазах. Что они знают о Звере?

«Спокойно, – тут же отозвался тот. – Пока этот парень не сделал ничего, что бы дало нам повод не доверять ему».

Зверь был всегда такой рассудительный и спокойный, мне бы его отношение к жизни.

«Тогда тебе придется прожить несколько веков», – тут же подколот он меня.

Я проигнорировала его слова и снова посмотрела на Кирилла. Тот ждал. Но что-то в его взгляде заставило меня подумать, что он теряет терпение. Хорошо. А то от его вежли-

вности меня в дрожь бросало.

– А если я убегу? – с вызовом сказала я, вздернув подбородок.

Он небрежно пожал плечами.

– Догоню.

– Я быстро бегаю, – предупредила я, но мужчину это не испугало.

– Я тоже. – На его губах играла улыбка, казалось, его забавляла моя реакция.

Тоже мне, клоуна, что ли, нашел? Я почему-то обозлилась. По внимательному взгляду Кирилла поняла, что он это заметил. Несмотря на улыбку, его взгляд был серьезен, и то, что он меня все равно догонит, показалось мне не пустой угрозой.

– Хорошо, – сдалась я. – Но я уйду тогда, когда сочту нужным.

– Справедливо, – согласился он и поманил меня за собой.

Я вздохнула и послушно пошла к зданию. Что ж, надеюсь, худшее на сегодняшний день со мной уже произошло. Возможно, здесь мне удастся узнать новую информацию о Звере, которую он сам не мог мне дать.

***

В помещении было холодно. Ох уж эти кондиционеры! Я не чувствовала перепадов температуры, как раньше, но меня знобило от нервов.

Следуя за Кириллом, прошла к лифту. Он шел впереди, не оборачиваясь, видимо, его способности достаточно ясно сообщали ему, что я никуда не делась и не собираюсь бежать.

Мы вошли в лифт, и он нажал кнопку «одиннадцать». Лифт тронулся.

Я стояла позади Кирилла и гадала, о чем тот думает. Он выглядел спокойным. Внезапно поймала себя на мысли, что мне бы очень хотелось, чтобы все его слова оказались правдой и он действительно был на моей стороне. Я попала в совершенно необычную для себя ситуацию, и на самом деле нуждалась в помощи.

Лифт остановился. Кирилл наконец-то обернулся и приглашающим жестом пропустил меня вперед. От его внимательных глаз сердце ёкнуло.

Я облизала пересохшие губы и решила спросить:

– Куда мы идем? Что это за место?

Кирилл дернул плечом.

– Обычное офисное здание. Здесь расположено множество мелких фирм. И мы тоже снимаем здесь офис. Очень удобно.

– Кто – мы?

Он снова посмотрел на меня, будто пытаюсь понять, издеваюсь я или действительно до сих пор ничего не понимаю. Я надеялась, что по моему взгляду и ощущениям он увидит второе.

– Мы, – уточнил Кирилл, – это люди с... скажем так, с

необычными способностями.

Ах, ну конечно, как это я сама не догадалась! Я снова почувствовала раздражение. Он говорил об этом так привычно, только для меня все эти люди с «необычными способностями» казались героями сказок, а не реальностью. И окунуться в их мир для меня было настоящим шоком.

– Не злись, – правильно понял мое молчание Кирилл. – Сейчас все поймешь.

– Уж сделай милость, – пробормотала я.

Вместо ответа, он гостеприимно распахнул передо мной дверь.

Мы оказались в светлой просторной приемной. Вдоль одной из стен стоял ряд мягких кресел, рядом – столик с журналами. В углу располагался стол секретаря, из-за которого нам навстречу выпорхнула миниатюрная девушка лет восемнадцати-двадцати, одетая по классике: черный низ, белый верх.

Интересно, у нее тоже есть «необычные способности»?

– Кирюш! – радостно воскликнула обитательница приемной и бросилась моему провожатому на шею.

Я растерялась. Судя по всему, они оба тут работают, и такое жаркое проявление чувств на рабочем месте меня смутило. Я поймала себя на мысли, что мне безумно интересно, кто она ему?

«Тебе какая разница?» – Зверь не упустил возможности поддеть меня.

«Не знаю», – честно ответила я.

Все это время девушка, которая почему-то заведомо не вызывала у меня симпатии, все еще болталась у Кирилла на шее.

– Ну наконец-то, – щебетала она. – Старик тут рвал и метал, места себе не находил! Так беспокоился!

Уединились бы уже, что ли...

Кирилл почувствовал мои эмоции, бросил на меня умоляющий взгляд и мягко отстранил девушку от себя.

– Все в порядке, – заверил он. – Я же говорил.

Девчонка закатила глаза.

– Вы с Андрюшкой вечно так говорите, а потом ка-а-ак вляпаетесь.

Кирилл улыбнулся и постарался перевести тему.

– Вот, Леночка, познакомься, это Изольда. Изольда, это наш секретарь – Леночка.

Леночка – тьфу ты, как ласково. На моем лице появилась усмешка, но я ничего не могла с ней поделать. Впрочем, казаться вежливой с этой девицей мне не хотелось. Как она его обнимала! В жизни не поверю, будто та сразу не заметила, что Кирилл пришел не один.

Тем не менее нужно было поздороваться, и я протянула руку.

– Леночка – это, я так понимаю, Елена?

Но девушка или намеренно проигнорировала мой тон, или же действительно была такой простодушной, как каза-

лось. Она обхватила мою ладонь сразу двумя руками и радостно потрясла.

– Рада знакомству, – пропела своим музыкальным голосом. – К чему формальности, так и зовите меня: Леночка. Все так зовут.

У меня было еще много чего сказать, мое красноречие бушевало вместе с моей честностью. Но тут у меня перехватило дыхание, потому что Кирилл подошел сзади и, положив руки мне на плечи, подтолкнул к дверям кабинета.

– Пойдем, не будем нервировать старика еще больше.

Мое сердце пропустило удар, а потом забилось совсем неровно. Я вообще предпочитала держать дистанцию с людьми. Даже не понимала, когда подруги при встрече кидались в объятия, но с незнакомыми людьми рукопожатие было верхом того, от чего бы меня не коробило. Похоже, Кирилл придерживался другого мнения. Он дотронулся до меня, будто в этом не было ничего необычного, легко и естественно. Однако, почувствовав мою реакцию, поспешно убрал руки и, не подавая вида, что что-то не так, распахнул передо мной дверь кабинета.

– Удачи! – пискнула за спиной Леночка.

В этом помещении было совсем не так солнечно, как в приемной, жалюзи на окнах перекрывали большую часть света, и в кабинете царил полумрак.

За большим столом из красного дерева, расположенным прямо напротив двери, сидел пожилой мужчина. Я бы не ре-

шила на глаз определить его возраст. Шестьдесят? Семьдесят? Его седые коротко остриженные волосы были почти совсем белыми, одет он был в серый деловой костюм, белая рубашка, галстук. Я бы не рискнула назвать этого пожилого человека стариком, как отзывалась о нем Леночка. Выглядел он очень респектабельно.

Мужчина поднял голову от бумаг на столе, когда услышал звук открываемой двери. Беспокойство на его лице сменилось облегчением.

– Кир! – выдохнул он. – Ну слава Богу!

Кирилл поднял руки в знак капитуляции.

– Все хорошо, что хорошо кончается.

На этот раз его улыбка казалась по-настоящему искренней, а не как в случае с Леночкой. Нет, решила я для себя, она точно не его девушка.

Тем временем пристальный взгляд хозяина кабинета переместился на меня. Его улыбка выглядела доброжелательной, по крайней мере, подвоха я не чувствовала.

– Значит вас, юная леди, мы так ждали? – обратился он ко мне.

Юной меня уже давно не называли, и я немного удивилась такому приветствию, но вспомнив, что сидящий передо мной человек чуть ли не втрое старше меня, расслабилась.

– Меня зовут Изольда, – представилась я.

– Какое красивое имя. – Он чуть склонил голову. – А меня зовут Владимир Петрович Золотаревский. – Потом указал на

кресло перед его столом. – Присаживайся, Изольда, думаю, нам предстоит долгий разговор.

Я покосилась на Кирилла. Тот кивнул.

Прошла и села. Кресло оказалось в меру мягким и очень удобным. Я положила ногу на ногу, а руки на подлокотники. Поза спокойная и расслабленная.

– Кир, ты нас не оставишь? – обратился Золотаревский к моему проводнику.

Кирилл кивнул и собрался выйти.

Нет! Я вдруг почувствовала приступ паники. Кирилл был мне уже более-менее знаком, а этого человека я не знала и не хотела оставаться с ним наедине.

Кирилл замер на середине шага по направлению к двери и резко развернулся.

– Владимир Петрович, вы не против, если я останусь? – Бросил мимолетный взгляд на меня.

– Как хочешь, – легко согласился хозяин кабинета.

И Кирилл устроился во втором кресле перед столом, в полуметре от меня. Я почувствовала облегчение. И пусть я повела себя как идиотка, так мне было спокойнее. Кирилл же глянул на меня весело и подмигнул. Я смутилась.

– Изольда, – обратился ко мне Золотаревский, привлекая мое внимание. – Я думаю, ты уже поняла, зачем мы тебя позвали?

– Не совсем, – призналась я. В моей голове был полный сумбур.

– Огненный Зверь – существо очень древнее, история его создания или же появления на Земле давно утеряна, – продолжал мужчина. – Человек, являющийся носителем Зверя и научившийся им управлять, обладает практически безграничной силой. Последний носитель Зверя, Акимова Нина, получила его еще в юности. У нее было достаточно времени, чтобы научиться его полностью контролировать. Она была человеком очень верующим, ее отец был священником, и Нина с детства воспитывалась в атмосфере веры и послушания. Зверя она считала карой небесной, а потому всеми силами пыталась побороть его власть над собой. Многие пытались убедить ее отдать им Зверя, но Нина искала достойного преемника, который не будет использовать силу Зверя во зло. Но за всю свою жизнь она так и не нашла никого, кому бы доверила нести свою ношу. Потому Акимова все время пряталась, переезжала из города в город, всегда селилась в глуши, ее преследовали, искали, она убегала снова и снова. Когда ее нашли в этот раз, уверен, будь она моложе, снова бы сбежала. Но, несмотря на то что Зверь давал силы ее телу, она очень устала, постарела и больше не хотела бежать.

Я слушала внимательно, стараясь не пропустить ни одного слова.

– Мы нашли ее, едва она переехала в наш город. Предлагали помощь, но Нина считала нас язычниками, не хотела иметь дело с магией, от одного этого слова ее бросало в дрожь. Она отказалась от нашей помощи и так и осталась

отшельницей. А потом ее нашли они.

Я вздрогнула.

– Кто – они? – выдавила из себя.

– Другие маги, люди со сверхспособностями – называй так, как тебе нравится. Я предпочитаю все же «маги». Так вот, этих называют Черные Капюшоны, потому что они никогда не снимают своих плащей, и никто никогда не видел их лиц. Хотя сами обладают магической силой, они желают истребить магов как вид. Мы думаем, что они хотят остаться единственными, кто обладает сверхспособностями. Охотятся на волшебников-одиночек, подкарауливают их и убивают. Очень жестоко убивают. – Владимир Петрович поймал мой затравленный взгляд и посмотрел прямо в глаза. – Они питаются чужой магией. Когда маг получает травму, вместе с кровью и болью из него вытекает часть его силы. Черные Капюшоны научились собирать ее и присваивать. Они похищают магов, пытаются их до смерти и отбирают силу. Потому-то их собственная сила настолько велика.

Я поежилась: звучало страшно.

– Но Акимову никто не пытался пытать, – возразила я.

Он кивнул.

– Зверь – это не дар, это существо, с ним не рождаются, его передают. Но передать его может только сам человек, добровольно. Силой тут ничего не добьешься. Капюшоны жаждут заполучить Огненного Зверя. С его силой им не сможет противостоять ни один маг. Они могли бы прийти к

Акимовой и предложить добровольно отдать им Зверя, ведь налицо взаимовыгода: у них была бы сила Зверя, а Нина избавилась бы от своего вечного проклятия. Но эти люди не дураки, иначе им не удалось бы скрываться столько времени. А Нина все равно отказалась бы: ее вера была сильна. Поэтому они просто пришли за ней, намереваясь вынудить ее передать Огненного Зверя им.

– Но там оказалась я. – От понимания становилось еще страшнее. – Но как они узнали, что у нее больше не было Зверя?

Золотаревский ухмыльнулся.

– А ты смотрела в зеркало?

Я смутилась, а потом поняла.

– Зрочки...

– Правильно, – кивнул мужчина. – Когда знаешь, что искать, пламя в твоих глазах становится заметным. Капюшоны сразу поняли, что Акимова уже отдала Зверя, больше в ней не было никакой магической силы. И они убили ее скорее от досады.

– Какой ужас, – прошептала я, но тут же взяла себя в руки. – Но вы-то откуда все это знаете? Кто вы вообще такие?

Покосилась на Кирилла. Он сидел, опершись на подлокотник и подперев рукой подборок. Перехватив его взгляд, я поняла, что тот, скорее следит за моей реакцией, чем слушает историю, которая ему, естественно, давно известна.

– Мы? – повторил за мной Владимир Петрович, и я снова

повернулась к нему. Игнорировать пристальный взгляд Кирилла стало сложнее. – Мы маги, группа магов этого города, держащаяся вместе. Находим одаренных, которые еще не разобрались в своих способностях, и помогаем им.

– Какая в этом ваша выгода? – не поняла я. Что это еще за добрые волшебники Изумрудного города?

Золотаревский развел руками.

– Никакой. – Его губы тронула улыбка. – Правда никакой, кроме того, что мы помогаем людям со сверхъестественными способностями не растеряться и выжить в этом мире. Чем не великая цель?

Я молчала, и он продолжил:

– Мы все маги в широком смысле этого слова. У нас есть общие способности, мы можем применять заклинания и творить те самые «чудеса», но у каждого есть и свой особый дар, особенно сильный, не требующий затрат энергии, как второе «я». Мой дар – предвидение. Я вижу будущее. – Я открыла рот от удивления и возмущения: если он знал, что Акимову убьют, то почему не предупредил? Но Владимир Петрович предостерег меня от преждевременных возражений, подняв указательный палец. – Я не всегда вижу достаточно далеко вперед. Смерть Нины увидел за несколько мгновений до того, как это случилось. Мы уже не могли ничего сделать. Стали искать, кому же она передала Зверя. И сегодня я увидел, что они нашли тебя раньше нас. Видел, как они схватили тебя и бросили в машину. Ближе всех был Кир, и я послал его

тебе на выручку.

– Стоп, с чего вы взяли, что это они? – все же возмутилась я. – На этих людях не было плащей.

– У всех господ есть слуги, – ответил мужчина спокойно. – Это были просто люди, а не члены их братства. Мы полагаем, что они не ожидали того, что за несколько дней Зверь успеет настолько вжиться в твое тело, что сможет брать его под свой контроль.

«Зве-е-е-ерь!» – мысленно возвала я.

«Да тут я, тут», – голос сонный.

«Это правда? Обычно ты вживаешься дольше?»

«Бывает. – Мне показалось, он зевнул. – С тобой мы подходим друг другу идеально. Мне хватило часа».

Владимир Петрович не заметил, что я отвлеклась к внутреннему диалогу и продолжал:

– Мне очень жаль, что я увидел, что с тобой случится, так поздно. Кир едва не опоздал.

– А уж мне-то как жаль, – пробормотала я. В нос снова ударил запах паленой плоти. Я заметила, как Кирилл поморщился.

– Мы хотим помочь тебе, – продолжал Золотаревский. – Поверь, я знаю, каково это – обнаружить в себе нечто, с чем ты вынужден жить и не иметь возможности ни с кем ни поделиться, ни посоветоваться.

Я задумалась. Он был прав, и с этим не поспоришь. Я совсем одна. И кому могу рассказать о своей проблеме? Семье?

Нет уж, увольте, не хватало еще и их подвергнуть опасности. Подругам? У меня нет настолько близких подруг, которые бы просто поверили мне, а не вызвали психиатра. Что ж, похоже, у меня не было выбора.

Кирилл почувствовал мои сомнения и кивнул Владимиру Петровичу, думая, что я не замечу. Но я заметила и одарила его ледяным взглядом.

– И что вы мне предлагаете? – поинтересовалась у хозяина кабинета. Кажется, пришло время поторговаться.

Пожилой человек улыбнулся, как если бы выиграл бой.

– Я предлагаю тебе работу. – Я удивленно вскинула брови. – Насколько я успел навести справки, ты потеряла свою прежнюю. – О как правильно это звучало. Не «ты уволилась», и не «тебя уволили». «Ты потеряла работу» – будто произошел несчастный случай. Я осторожно кивнула. – Я предлагаю тебе работу, пять дней в неделю ты должна приходить сюда, мы будем учить тебя самоконтролю и управлению с Зверем. За это ты будешь получать зарплату, ровно такую, как получала на предыдущем месте работы. А когда ты всему научишься и сможешь передать Зверя, то уйдешь.

Я не верила своим ушам.

– Вы будете платить мне деньги за то, что вы же помогаете мне?!

Батюшки, да он фанатик! В моем понимании слово «фанатик» было очень близко к слову «маньяк».

На этот раз улыбка мужчины была снисходительной.

– Девочка моя, – сказал он. – Я уже достаточно стар, чтобы знать цену деньгам и знать, как они необходимы в жизни. Я очень богат. Благодаря моему дару предвиденья, я накопил значительный капитал. Этих денег мне хватит еще на несколько жизней, а она у меня одна.

Я закусила губу. Все это казалось еще более нереальным. Мне готовы платить деньги только за то, что я приму помощь. Это было еще более неправдоподобным, чем то, что во мне живет Зверь, а я нахожусь в помещении с двумя магами.

– Так ты согласна?

Видимо, мое молчание затянулось.

– Кажется, у меня нет выбора, – признала я.

– Вот и славно. – Золотаревский откинулся на спинку кресла. – Ты должна понимать, мы не ждем от тебя внезапного доверия. Но очень скоро ты сможешь сама убедиться, что здесь тебя окружают друзья. Вот, держи. – Он протянул мне визитку. – Здесь номер моего телефона. Если у тебя возникнут дополнительные вопросы, звони в любое время, не стесняйся.

Это значит, что разговор закончен? Я заерзала в кресле. Все еще не могла поверить в реальность происходящего.

– А завтра... – начала я.

– А завтра ровно в девять утра – твой первый рабочий день. Мы будем ждать тебя. Завтра я познакомлю тебя со всем нашим коллективом.

Звучало многообещающе.

– Форма одежды? – серьезно поинтересовалась я. Это ведь работа, не так ли?

Владимир Петрович рассмеялся.

– Произвольная.

Я по-прежнему серьезно кивнула. Но от новой мысли меня снова пронзил страх.

– А эти ваши? Как их? Капюшоны?

– Они не сунутся так быстро, – немного подумав, ответил Владимир Петрович. – Они уже поняли, что ты не контролируешь Зверя, и будут ждать.

– И следить за мной?

– Возможно, – серьезно кивнул он. – Зверь ведь предупредит тебя?

«Естественно!» – обиженно загудел Зверь, будто кто-то сомневался в его способностях.

– Как только почувствуешь слезку, немедленно звони. Мы тебя защитим.

Я кивнула. Очень надеялась, что Черные Капюшоны поняли, что я совсем не контролирую Зверя, и решат подождать годика этак два.

– А это, – Владимир Петрович потянулся и достал из ящика стола зеленый кристалл размером с куриное яйцо, больше всего напомнивший мне кусок мыла, – положи у себя дома.

– Что это? – нахмурилась я, принимая странный предмет. Понюхала: совершенно без запаха.

– Это концентрированное заклинание защиты. Твой дом – твоя крепость. Как только заклинание растворится в твоей квартире, никто не сможет туда войти без твоего разрешения.

– А если попробует?

– Адская боль, – его голос прозвучал жестко. – Я не могу тебе гарантировать, что это подействует против Капюшонов, но излишняя предосторожность не помешает.

Я слабо кивнула, в голове был сумбур. Потом убрала странный предмет в карман.

– Ты можешь идти, – разрешил Золотаревский. – Подумай обо всем хорошенько. Уверен, до завтра у тебя появится еще много вопросов.

Я еще раз кивнула и встала с кресла. Покачнулась. Зверь, конечно, поддерживал мое тело в прекрасной форме, но стресс давал о себя знать. Как только оказалась в вертикальном положении, то поняла, что координация движений нарушена, а голова кружится.

Кирилл дернулся было, чтобы поддержать меня, но остановился, увидев, что я более-менее твердо стою на ногах, а может быть, вспомнив мою реакцию на его прикосновение.

– Кир, отвези Изольду домой, – попросил Владимир Петрович. – Не думаю, что ей сейчас показаны пешие прогулки.

Кирилл ничего не сказал и молча поднялся с кресла.

– Спасибо, – отрешенно пробормотала я и направилась к двери.

– Уже все? – встрепенулась Леночка в приемной. – Может быть, чайку?

Я отрицательно помотала головой и на ватных ногах прошла мимо нее к лифту. Кирилл последовал за мной.

– И у этой девчонки тоже способности? – пробормотала я, когда мы оказались в лифте.

– Конечно, – отозвался Кирилл. – Она владеет телекинезом. Пока довольно посредственно, но успешно учится.

– Конечно, – передразнила я и отвернулась. Лучше уж пялиться в покрытую трещинами стену лифта, чем смотреть в его уж слишком пронизательные глаза.

Чувствовала, что меня снова начинает бить мелкая дрожь. Я очень хотела домой. Может быть, у меня еще и остались физические силы, но моральные были на исходе.

Мы вышли на улицу, и я с наслаждением подставила лицо под солнечные лучи. В этом старом здании я чувствовала себя как в склепе.

Прошли к машине, и Кирилл галантно распахнул передо мной дверцу. К такому я не привыкла. Хоть меня и потрясывало, у меня еще имелись руки и силы открыть дверь самой.

– Не стоило, – невежливо пробормотала я, но все же села в автомобиль.

Он обошел машину и тоже забрался внутрь. Сказал:

– Ты понравилась старику.

– Премного благодарна, – фыркнула я. Как только мы остались одни, я почувствовала просто физическую потреб-

ность хамить.

– Зря ты так, – Кирилл не повелся на провокацию. – Он замечательный человек. Действительно бескорыстный.

Мне стало не по себе. Золотаревский на самом деле вел себя со мной просто идеально, и мне не за что было о нем плохо отзываться.

– Я рад, что ты поняла, – очень серьезно сказал Кирилл, видимо, опять копаясь в моих чувствах.

Отъехали. Кирилл спросил адрес и повел машину по направлению к моему дому.

Я молчала и смотрела в окно. Мимо проносились другие автомобили. Вел Кирилл достаточно быстро, но уверенно. Я чувствовала себя рядом с ним в безопасности. Какое нелепое чувство в связи со всеми произошедшими со мной событиями.

– Ты очень его любишь? – внезапно для самой себя задала я вопрос. Я все еще помнила, как тепло Кирилл отзывался о «старике».

Серьезное выражение на его лице смягчилось.

– Он меня вырастил, – ответил Кирилл, все еще смотря на дорогу. По правде говоря, мне очень хотелось, чтобы он посмотрел на меня. – Владимир Петрович нашел меня на улице, можно сказать, спас от голодной смерти. Все, что у меня есть, только благодаря ему. Конечно же, я люблю его. Он мне как отец.

Его голос был наполнен нежностью – не надо иметь сверх-

способности, чтобы понять, когда человек искренен.

– А твои родители? – не удержалась я.

– Умерли, когда я был еще младенцем. Меня взяла тетка, но она пила... Много.

Его лицо снова стало серьезным, и я прокляла себя за то, что подняла эту тему. Только понадеялась, что Кирилл почувствует мое раскаяние и не обидится.

Оставшуюся дорогу до моего дома оба молчали. Я старалась ни о чем не думать, просто пялилась на дорогу. Ни о чем не думать и ничего не чувствовать, убеждала я сама себя, так проще.

Кирилл аккуратно завернул в мой двор и остановился.

– Приехали.

Я подняла глаза. Кирилл тоже внимательно на меня смотрел. Что ж, призналась я сама себе, он мне чертовски нравится. По правде говоря, мне совершенно не хотелось выходить из его машины, в ней было уютно и безопасно.

– Каково это – быть не таким, как все, с самого детства? – спросила я.

Кирилл улыбнулся, пожал плечами.

– Я привык. Не представляю, как это иначе: не чувствовать все то же, что чувствуют другие.

– Это тяжело? – догадалась я.

Кирилл покачал головой.

– Иногда приятно чувствовать чью-то радость, счастье.

– Но ты ведь чувствуешь не только их. – Я вспомнила, как

он поморщился, когда я задела больную руку. – Чужую боль ты тоже чувствуешь. И, я так поняла, как моральную, так и физическую?

– Я привык, – он снова пожал плечами, – себя не переделывать.

Я смотрела в его глаза цвета стали и думала о том, какво это, чувствовать не только свою боль, но и чужую тоже. Привык он...

– И то, что я сейчас чувствую, тоже знаешь? – спросила с вызовом.

Его губы тронула улыбка, и выглядела она скорее печальной.

– Я тебе нравлюсь.

Я поняла, что совершила роковую ошибку, задав последний вопрос. Кровь прилила к щекам.

– Это от шока, – выпалила я. – После тех огромных похитителей ты примчался меня спасать, как рыцарь в сверкающих доспехах.

На этот раз он искренне рассмеялся.

– С рыцарем меня еще не сравнивали.

– О, я еще и не то могу! – пригрозила я, но все же не сдержалась и тоже рассмеялась.

Нужно было уходить. Я покосилась на ручку двери и заметила, что Кирилл потянулся к своей.

– Я сама, – быстро сказал я и открыла дверцу, пока он снова не стал вести себя как джентльмен, открывающий даме

двери. – До свидания.

– погоди! – Кирилл быстро достал из бардачка блокнот, что-то в нем написал, вырвал листок и протянул его мне. – Извини, визитки кончились. Это мой номер. Если что-то случится, лучше звони мне, не пугай старика.

Я кивнула, молча взяла листок и сунула его в карман кофты. Он проводил меня пристальным взглядом.

Как только я захлопнула дверцу снаружи, автомобиль тут же тронулся с места и исчез за поворотом.

Я вздохнула. Ох уж эти усиленные эмоции. Мне давно так никто не нравился, тем более с первого взгляда.

Поплелась домой, еле волооча ноги по лестнице.

– Куда пропал? – спросила Зверя, войдя в прихожую. Все же я чувствовала себя более нормальной, разговаривая с ним вслух.

«Не мешал тебе любоваться Кирюшей», – отозвался тот с гаденьким смешком.

– Прекрати!

«Сама спросила».

– Я прямо любовалась, да? – обреченно спросила.

«Смотри, не втюрься».

– Зверь! – взмолилась я, и так на душе было тошно.

«А что? – интонация Зверя стала немного серьезнее. – Я совершенно без шуток предупреждаю: не втюрься в этого парня. Он, конечно, не виноват, что ему так не повезло. Но водить шуры-муры с эмпатом – это сущее наказание. Ты для

него как открытая книга, он чувствует все».

Я обреченно вздохнула. Сущее наказание – как выразил-ся-то.

Сбросила кроссовки, достала из кармана зеленый кри-сталл, хмыкнула и положила на тумбочку в прихожей, затем прошла в комнату.

Я безумно устала. Зверь был не прав: чтобы устать мне не нужно было разгрузить машину дров. Оказалось, достаточно оббежать полгорода, спалить двух человек, потом встретить парня своей мечты не в том месте и не в то время, а затем еще час выслушивать историю о добрых волшебниках и злодеях Черных Капюшонах.

Поэтому я, как была, в одежде, рухнула на неубранную с утра постель и отключилась.

Глава 5. Работа

– Зве-е-ерь! – проныла я, когда он снова разбудил меня в шесть утра. – Ну зачем поднимать меня в такую рань?

«А тебе напомнить, в какую рань ты завалилась спать? – пристыдил он меня. – Даже не переоделась и не умылась».

Что ж, вынуждена признать его правоту. Сегодня я не чувствовала такого эмоционального подъема, как вчера. Мое тело было бодрым, но морально я была полностью разбита. Не могла ничего с собой сделать и снова вспомнила убитых мной людей.

«Прекрати, – сурово приказал Зверь. – Это была самозащита».

– Знаю, – неохотно согласилась я.

«Знаю, – передразнил он. – Прежде чем убиваться по двум негодьям, ты лучше представь, куда они тебя везли. Ясное дело, к этим Капюшонам. Думаешь, те стали бы вежливо тебя просить передать им меня? Если они выливают из магов всю кровь, чтобы завладеть их силой, то явно не склонны к милосердию. Вспомни Нину».

– Знаю, – уже тверже повторила я.

«То-то же, – по голосу слышала, что Зверь доволен тем, что я перестала спорить. – А теперь перестань лить слезы по недостойным и собирайся. У тебя, между прочим, сегодня первый рабочий день».

– О боже! – выдохнула я. Сердце забилось быстрее. Первый рабочий день!

На новую работу в первый день идти всегда страшно: новый коллектив, новые обязанности... А тут еще и новая сторона мира: маги и их способности. И как я только умудрилась влипнуть во все это? Я никогда не отличалась особой невезучестью, всегда была просто среднестатистической жительницей города со среднестатистическими способностями и скучной обыденной жизнью. Теперь же я была вовлечена в водоворот событий, который просто сносил с ног.

Вспомнила о Кирилле.

Он жил с этим с детства. Со всем этим пришлось столкнуться ребенку, еще маленькому и слабому. А я, уже давно взрослая, сижу и ною, проклиная судьбу.

«Слабачка», – Зверь тут же не упустил случая поддеть меня.

Но он был прав и в этом. Пора перестать распускать нюни и встретиться с трудностями лицом к лицу. Зверь уже во мне, и это нужно принять как данность. Никто, кроме меня самой, не сможет вытащить его. Только я.

Поэтому я решительно встала с кровати и отправилась приводить себя в порядок. Как обычно по графику: душ и черный кофе.

Пробегая мимо прихожей, заметила, что странный кристалл исчез, растворился, как и обещал Золотаревский.

Пока собиралась, зверь молчал. Я уже начинала распозна-

вать виды его молчания. Сейчас он показывал им свое недовольство моим утренним нытьем. Зверь хотел, чтобы я была сильной.

Сегодня я собиралась дольше обычного. Золотаревский обещал познакомить меня с «остальным коллективом», и, как на любой новой работе, пусть и такой странной, мне следовало произвести на этот самый коллектив хорошее первое впечатление.

Я перерыла весь шкаф и комод в поисках подходящей одежды. Хотелось выглядеть подобающе.

Наконец нашла зеленую рубашку с длинным рукавом, которая выгодно подчеркивала мой цвет глаз, и остановилась на ней. С отвращением посмотрев на стопку однотипных узких «рабочих» юбок, выбрала черные зауженные джинсы.

«Ты увлеклась, – все же не выдержал Зверь. – Кому какая разница, во что ты одета».

– Это тебе так кажется, – парировала я. Мне хотелось хорошо выглядеть, во что бы то ни стало.

«И дело в новом коллективе?» – не унимался противный Зверь.

– Конечно, – я даже не раздумывала перед ответом.

«И вовсе не в Кирилле?»

Я смутилась. В этом была доля правды. Он очень мне понравился, и мне бы чертовски хотелось, чтобы я нравилась ему так же. Но я искренне сомневалась, что цвет моей рубашки сможет мне в этом поспособствовать.

– Кирилл тут ни при чем, – твердо сказала я.
«Как знаешь», – недоверчиво отозвался Зверь.

***

Я подъехала на место за пятнадцать минут на начала моего так называемого рабочего дня. Припарковалась на том месте, где вчера стоял автомобиль Кирилла, надеясь, что это не его именное место стоянки. Потом заглушила двигатель и просидела еще минут пять, упершись лбом в руль.

Мне было страшно. Было странное ощущение, что, если сейчас войду в эти двери, моя жизнь еще раз круто изменится. Всегда страшно начинать что-то новое, и я никогда не была любителем приключений.

Люди сновали туда-сюда мимо моей машины, кто-то входил, кто-то выходил из здания, куда мне предстояло войти на этот раз одной. Я провожала каждого из них взглядом и гадала, кто из них мог оказаться магом и направляться туда же, куда и я.

«Осталось пять минут», – напомнил Зверь, почувствовав, что я могу просидеть тут пару часов.

– Вот черт! – спохватилась я. Не хватало еще опоздать в первый же день!

Второпях выскочила из машины и побежала к дверям здания, и, только забежав в холл, вспомнила, что не поставила автомобиль на сигнализацию, снова выскочила на улицу, «пикнула» брелоком и понеслась обратно. Наверное, со сто-

роны я представляла собой забавное зрелище: девушка, бегущая взад-вперед через крутящиеся двери.

«Успокойся, – настоятельно попросил Зверь. – Кто-то, кажется, хотел предстать перед новыми знакомыми в выгодном свете».

Но я не могла успокоиться. Страх перед этой встречей пробирал до костей. Кроме страха, чувствовала еще и злость на саму себя. Ну неужели нельзя было все обдумать и попанниковать дома? А теперь я непростительно и непоправимо опаздывала.

Лифт ехал, как назло, удручающе медленно. Вчера я даже не заметила, как мы с Кириллом поднялись на одиннадцатый этаж, сегодня это время мне показалось вечностью.

Двери лифта открылись на нужном этаже в девять часов четыре минуты – как и боялась, я опоздала. Черт-черт-черт!

«Спокойно», – Зверь снова сделал попытку меня успокоить, но я была не в силах его слушать.

Осторожно открыла дверь и вошла в приемную с видом школьницы, опоздавшей на контрольную. Леночка была на своем рабочем месте. Вскинула голову, когда скрипнула дверь.

– Изольда! – вскрикнула она и тут же выпорхнула из-за стола. – Ну наконец-то! Нехорошо опаздывать в первый день! Старик ужасно расстроился! Кто же так делает?..

Я не успела и рта раскрыть, хотя мне очень захотелось наговорить гадостей в ответ на этот поток нравоучений, как

Леночка схватила меня под руку и потащила к большим обитым кожей дверям.

– Да пусти же! – Я вырвала руку.

Леночка непонимающе уставилась на меня своими огромными васильковыми глазами.

– Но ведь все ждут, – растерялась она. – Здесь все ценят время друг друга, неприлично опаздывать.

Леночка снова потянулась ко мне, и я на всякий случай отошла на шаг назад.

– Без тебя знаю, – огрызнулась сквозь зубы и сама шагнула к двери.

Леночка обиженно шмыгнула носом, но все же кинулась мне наперерез, явно намереваясь распахнуть передо мной створки. Однако я ее опередила и дернула дверь на себя первой.

Одарила неуспешную Леночку взглядом гордой тигрицы и шагнула за порог. И... тут же поджала свой полосатый хвост.

Я оказалась в огромном помещении, похожем, в конференц-зале. Посередине пространства стоял длинный стол, во главе которого сидел уже знакомый мне Золотаревский, справа от него – Кирилл, остальных людей я видела впервые. Но все как один подняли глаза и уставились на меня. Губы Кирилла изогнулись в усмешке. Конечно же, он почувствовал, с каким настроением победительницы я открывала двери и в какой омут паники окунулась, войдя. И, судя по его взгляду, в данном случае он мне вовсе не сочувствовал, потому

что я обидела Леночку.

Эта мысль принесла с собой раздражение. Оно помогло справиться со страхом и замешательством.

Я вскинула голову и сказала твердым голосом:

– Доброе утро. Прошу прощения, что задержалась.

Золотаревский улыбнулся мне ободряющей улыбкой.

– Доброе утро, девочка моя, проходи, присаживайся. – Указал на пустовавшее место по левую руку от него, как раз напротив Кирилла.

Это место мне не понравилось. Я не хотела сидеть перед Кириллом, для которого все мои переживания были открытой книгой.

Прошла через весь зал, провожаемая взглядами, и села на предложенный стул. Чувствовала себя неловко, не в своей тарелке. Никогда не любила повышенное внимание.

Тем временем Владимир Петрович нажал кнопку внутренней связи.

– Леночка, милая, будь добра, – попросил он, – сделай всем кофе, а потом присоединяйся к нам, все уже в сборе.

– Хорошо, Владимир Петрович, – раздалось в ответ.

Мне показалось, что перед тем, как связь оборвалась, я слышала всхлип. По тому, как нахмурился Кирилл, догадалась, что не ошиблась. Ничего себе! Я и не думала, что своим хамством обидела ее так сильно.

Я почувствовала себя скверно. Мне захотелось забраться под стол.

Тем временем Золотаревский заговорил, не замечая моего состояния. Он обратился к присутствующим:

– Дорогие друзья, я рад познакомить вас с новым членом нашей большой семьи – Изольдой. Изольда – новый носитель Огненного Зверя. Мы все знаем, что это непростая ноша, и должны относиться к ней с пониманием и терпением.

– О чем речь, Владимир Петрович! – расплылся в улыбке молодой здоровый детина, сидящий с противоположной от меня стороны в конце стола. Ему было лет двадцать семь-тридцать. Сейчас он сидел, и я не могла сказать, какой у него рост, но не сомневалась, что не меньше двух метров. Наверное, про таких писали: «косая сажень в плечах». Он был очень большим, с огромными накаченными руками, крупным квадратным подбородком, соломенными волосами и голливудской улыбкой. Этакий русский богатырь. Ему еще бы белую косоворотку и гусли. – Мы всегда рады новичкам.

Женщина, сидящая рядом с ним, впечатала ему локоть под ребра, но тот, казалось, даже не почувствовал этого через свои мышцы.

– Похвально, Андрюша, похвально, – спокойно кивнул Владимир Петрович.

«Андрюша» же пристально смотрел на меня, как на куропатку, поданную на стол.

«Чего он так пялится?» – разозлилась я.

«Чего не понятного? – фыркнул Зверь. – У него же на лбу написано, что он любит женщин, а они – его. Ты ему пригля-

нула».

Детина поймал мой взгляд и ослепительно улыбнулся. Я поежилась под этим раздевающим пристальным взглядом, потом поймала усмешку у Кирилла во взгляде и снова обозлилась.

В этот момент вошла Леночка с подносом и начала составлять с него чашки. У нее были красные глаза. Ничего себе, я действительно довела ее до слез!

Андрей вскочил со своего места. Как ни странно, несмотря на его богатырские размеры, он обладал грацией танцора. Подскочил к Леночке и принялся ей помогать.

– Кто обидел тебя, красавица? – На его лице появилось сочувственно-детское выражение, а рука тут же расположилась у нее на талии сзади.

Леночка упрямо дернула подбородком, отчего ее челка взметнулась вверх.

– Соринка в глаз попала, – пробормотала она, даже не посмотрев в мою сторону.

Все ждали, пока Андрей поможет Леночке с приготовлениями. Наконец перед каждым появилась кружка дымящегося кофе со сливками, который, надо признать, пах очень аппетитно. Я не удержалась и тут же попробовала. Действительно, кофе оказался вкусным.

Леночка снова убежала и вернулась с двумя вазочками с печеньем, поставила их и устроилась в самом конце стола, напротив Золотаревского.

– Что ж, теперь все в сборе, – подытожил Владимир Петрович. – Теперь, Изольда, я хочу представить тебе каждого.

Я чуть не захлебнулась кофе. Как официально и сколько внимания! Черт, я так ненавидела внимание к себе посторонних.

Владимир Петрович начал справа от себя.

– С Киром ты уже знакома. – Я сдержанно кивнула, стараясь не встречаться с тем взглядом. – Но представлю официально: Кирилл Золотаревский, мой сын, маг-эмпат.

Золотаревский? Хотя Кирилл и рассказал мне вчера, что Владимир Петрович его вырастил, я почему-то очень удивилась, услышав его фамилию.

Тем временем Золотаревский старший продолжал:

– А это Антон Валерьевич Ковров. – Мой взгляд переместился на мужчину лет сорока пяти, сидящего по правую руку от Кирилла. Он был худым, с орлиным носом и темными, почти черными глазами. – У Антона очень редкий дар: он чувствует других магов и всегда может распознать, какие у кого способности, даже если человек еще сам о них не догадывается.

Ковров коротко кивнул мне.

Мне захотелось поежиться. Что-то неприятное было в его взгляде, слишком уж пристальном, слишком пронзительном. У него был не только орлиный профиль, он сам напоминал птицу.

«Коршун», – услужливо подсказал Зверь и снова пропал.

Третьей за столом сидела девушка, похожая на цыганку. У нее были длинные черные волнистые волосы и большие глаза с такими же черными ресницами. Одета она была обычно: официальный серый пиджак, бледно розовая блузка.

– Это Илона Кожухова, она умеет разговаривать с животными и птицами и управлять ими. Также редкий и ценный дар.

Илона тоже кивнула мне.

Следующим «по списку» был уже знакомый мне Андрей.

– Андрей Князев. – Надо же, какая подходящая фамилия. – Андрей у нас – боевой маг.

На этот раз я не удержалась.

– Как это – боевой? – ляпнула прежде, чем успела себя остановить.

Золотаревский терпеливо улыбнулся.

– Боевой – это такой маг, о которых люди очень любят снимать фильмы и писать книги в жанре фэнтези. Молнии, взрывы – это все по его части. К сожалению, Андрей не может продемонстрировать тебе свои способности, потому что это помещение мне еще пригодится. Но в минуты, когда он в ярости, к нему лучше не приближаться.

В ответ Андрей демонстративно поиграл мускулами.

– Я еще и в рукопашной могу, – «скромно» добавил он.

– Совершенно верно, – кивнул Владимир Петрович, – помимо всего прочего, Андрей еще и очень силен.

Тот прямо-таки засветился от гордости. К моему соб-

ственному удивлению, у меня это вызвало улыбку. В отличие от неприятного Коврова, Князев казался мне куда менее устрашающим.

В конце стола сидела Леночка. Она метнула на меня обиженный взгляд, потом опустила глаза, взяла из вазочки печенье и яростно впилась в него зубами.

– Леночку ты тоже уже знаешь, – сказал Золотаревский, то ли не заметив, то ли проигнорировав эту пантомиму. – Елена Скворцова. Обладает телекинезом. Леночка у нас недавно, она еще тоже только учится владеть своим даром. Тоже еще, можно сказать, новенькая, поэтому держитесь друг друга и помогайте. – Владимир Петрович многозначительно на меня посмотрел.

Я прикусила нижнюю губу, чтобы ничего не ляпнуть, и только молча кивнула, давая понять, что я его услышала.

Теперь Золотаревский перешел на левую сторону стола и стал перечислять присутствующих по направлению от Леночки ко мне.

– Петр Васютин. – Я удивленно уставилась на рыжего веснушчатого паренька лет пятнадцати, очень напомнившего мне Диму Мартынова в школе, тощего, долговязого и нескладного. – Петя у нас – Повелитель Стихий. Тоже, конечно, еще учится. Но когда полностью научится управлять со своим даром, станет очень сильным магом. Он способен создать стену огня из маленькой искры, озеро – из капли и бурю – из легкого ветерка.

Я чуть было не присвистнула. Вот уж кого действительно волшебный дар. Вот ему я позавидовала. Это даже круче, чем боевой маг. Повелитель Стихий – даже звучит важно.

Мальчик Петя зарделся от похвалы Золотаревского.

– Я еще мало чего умею, – смущенно пробормотал он.

– Никогда не принижай себя, – тоном преподавателя сказал Владимир Петрович.

Петя покраснел еще больше, а Золотаревский уже перешел к следующему.

– Василий Аркадьевич Молотов. – Я перевела взгляд на мужчину, сидящего ближе всех ко мне. Пухленький, невысокий, лысеющий, лет пятидесяти, лицо добродушное. Этот создавал приятное впечатление. – Маг-преобразователь. Может превратить что угодно во что угодно, но это касается только неодушевленных предметов. Так что можно не бояться, никого в лягушку Вася превращать не собирается.

На эти слова Молотов захихикал, и мое положительное мнение о нем резко упало. У него был очень неприятный смех, эдакое гаденькое хихиканье. Я подумала о том, что, будь это в его силах, он бы непременно превратил в лягушек всех здесь присутствующих.

Видимо, заметив неприязнь в моем взгляде, Молотов виновато улыбнулся, протянул руку к центру стола, взял печенье, подул на него, и оно превратилось в ромашку. С победным видом он протянул ее мне.

Мгновение поколебавшись, я все же приняла его подарок,

хотя и не могла себя заставить не смотреть на цветок с опаской.

– Всего лишь цветок, – угодливо пропел маг. – Всего лишь цветок.

– Я вижу, – сказала я не особо вежливо, на этот раз не сдержавшись, и покрутила ромашку в руках. – Совсем как настоящий. – Я дернула за один лепесток и оторвала его. В моих пальцах остались крошки, а сам цветок немедленно превратился обратно в печенье.

Василий Аркадьевич виновато развел руками.

– Магия не всегда долговечна.

Я отряхнула пальцы и непроизвольно отодвинулась от Молотова.

К черту желание оставить о себе приятное впечатление, эта затея провалилась, едва я переступила порог офиса. Пускай думают обо мне все, что хотят.

Я насупилась и отвернулась. Вот так. Пусть видят меня во всей красе и не строят иллюзий на мой счет. Я гнусное вредное существо.

«Ну начало-о-ось», – устало вздохнул Зверь.

Я его проигнорировала, чувствуя себя скверно.

Тем временем Золотаревский обвел взглядом аудиторию.

– Полагаю, знакомство состоялось, – провозгласил он. Выглядел пожилой мужчина довольным.

Интересно, что его обрадовало? Мне так не нравилось ровным счетом ничего, хотелось сбежать отсюда. Еще этот

пронизывающий взгляд Кирилла! Он просто выводил меня из себя. Энергия в моем теле рвалась наружу. Мне захотелось крушить мебель.

– Мне показалось, что Изольда не питает восторга по поводу нашей встречи, – нарушил молчание Ковров, напомнивший нам со Зверем коршуна.

Я была увлечена тем, что сверлила Кирилла злобным взглядом, что не заметила, когда Коршун обратил на меня внимание. Я резко повернула к нему голову.

– И с чего такие выводы, позвольте узнать? – мой голос даже глухой не принял бы за дружелюбный.

Маг издал губами чмокающий звук, от которого у меня внутри все перевернулось от отвращения.

– Лицо у тебя, милочка, недоброе и нерадостное, – пронося эти слова, он просто прожигал меня взглядом.

Меня наполнила злость, я прямо-таки чувствовала, как она накрывает меня волной от макушки до кончиков пальцев ног. Со Зверем во мне я стала взрывоопасной, как в прямом, так и в переносном смысле. Мне захотелось высказать ему все, что подумала о нем в этот момент. А еще лучше послать всех присутствующих в пешее путешествие в ад и убраться подальше из этого странного места и этих странных людей, и...

В этот момент заметила, как Кирилл едва заметно покачал головой. Предостерегая меня? Его движение было практически незаметным, и я была готова поклясться, что его дей-

ствительно не уловил никто из присутствующих. Как странно, ведь он мог вступить в дискуссию открыто, а не подавать мне тайные знаки.

То, что в моей голове зашевелилась мыслительная деятельность, поумерило мою ярость, и я смогла выдохнуть. Что ж, придется потом при случае сказать Кириллу спасибо. Устроить скандал с моей стороны было бы самым глупым, на что я вообще была способна.

Медленно выдохнула и только тут заметила, что Владимир Петрович внимательно следит за моей реакцией: ждал, как я отреагирую на провокацию.

– Будьте добры, не называйте меня милочкой, – медленно и тщательно взвешивая каждое слово, произнесла я. – Тогда мы сработаемся.

На лице Коврова промелькнуло разочарование – он жаждал ссоры не меньше меня. Кивнул, признавая, что установлено перемирие.

Золотаревский теперь просто лучился от довольства, и во мне зародилось сомнение, что все это было не более чем проверка, насколько я умею держать себя в руках.

– Ну, все, дорогие. – Он хлопнул в ладоши, изображая гонг. – Повеселились, и хватит. Предлагаю всем приступить к своим непосредственным обязанностям. Андрей, ты обещал позаниматься с Петей, помнишь?

– О чем речь! – вскинулся здоровяк. – Обещал – сделаю!
Владимир Петрович удовлетворенно кивнул и поднялся

со своего места.

– Так, пятнадцать минут перерыв, допивайте кофе. Я к себе. – Он повернулся ко мне. – Вас со Зверем я жду у себя в кабинете ровно через пятнадцать минут. – И направился к дверям.

Помещение взорвалось голосами. Мне показалось, что нахожусь в аудитории, которую внезапно покинул преподаватель. Все расслабились, на лицах появились улыбки, люди начали болтать между собой.

От внезапной смены атмосферы почувствовала себя еще больше не в своей тарелке. Они все знали друг друга, у них было много общего, я же здесь чувствовала себя придорожным камнем, выброшенным на трассу.

Заметила, как Кирилл бросил на меня один короткий взгляд, потом быстро поднялся и направился к Леночке, которая в этот момент как раз встала из-за стола. Ее лицо по-прежнему было несчастным.

Он вдруг подхватил ее на руки и закружил по комнате. Леночка рассмеялась, грусть слетела с ее лица, будто маска.

– Поставь меня, балбес! – смеясь, выдавила она, но не сделала и слабой попытки высвободиться.

– Перестанешь кукситься, поставлю, – в его голосе тоже был смех.

Правда ли ему хотелось смеяться? Или он делал это, чтобы развеселить девчонку, которую я незаслуженно обидела? Мне показалось, что его глаза все еще были серьезными, и

веселье их не коснулось. Вопрос только: какое мне до этого дело?

В глубине души мне захотелось, чтобы это Леночка меня обидела, тогда Кирилл стал бы утешать меня, а не ее... Или не стал бы?

– Чего грустим? – неожиданно раздался голос у меня над ухом.

Я вздрогнула и подняла голову. Рядом со мной стоял Андрей, улыбаясь во все свои тридцать два зуба.

– Неуютно себя чувствую, – призналась я.

– Да брось! – Он сунул в рот целое печенье и весело подмигнул мне. – Все замечательно! А на Антона не обращай внимания. – Я глянула на Коврова и Молотова, которые отошли чуть в сторону от остальных и о чем-то негромко разговаривали, не смотря в нашу сторону. – Он всегда такой бука, но человек надежный, всегда поможет, когда это нужно. Поэтому все его прощают за скверный характер.

– У меня тоже скверный характер. – Я поморщилась. – Так что не обольщайся.

– Да ладно, ты милая, – возразил Андрей, – сразу же видно. Просто растерялась среди незнакомых людей. Тебе нужен друг, и все дела.

Он приблизился ко мне настолько, что я стала ощущать тепло его тела через рукав своей рубашки. Стало не по себе.

Я демонстративно покосилась на расстояние между нами, но Андрей намека или не понял, или сделал вид, что не по-

нял, но не отодвинулся ни на миллиметр. Ну что ж, придется самой...

Я поднялась со своего места и встала из-за стола, оставив между мной и Андреем не менее полуметра.

– Меня Владимир Петрович ждет, – сказала, делая попытку ускользнуть.

Заметила, что Кирилл уже поставил Леночку на ноги и, мило ей улыбаясь, помогает собрать чашки со стола на поднос.

– Пять минут прошло. – Андрей на уловку не повелся. – Я засекал.

Тут он протянул руку и заправил мне за ухо выбившуюся прядь волос.

Меня снова подкинуло от раздражения.

«Я не буду его убивать, – немедленно вмешался Зверь. – Он хороший парень».

Я уставилась на Андрея возмущенным взглядом.

– Обычно девчонки ведутся на такой откровенный флирт? – с сарказмом в голосе поинтересовалась я.

Князев хмыкнул и пошаркал ногой, будто смущается.

– Обычно – да, – его улыбка была совершенно невинной.

– Не тот случай. – Я раздраженно тряхнула волосами, чтобы тот локон, который он заправлял, снова упал на лицо. – Не трать время, будь добр.

В его глазах было удивление.

– Не любишь секс?

У меня в прямом смысле отвисла челюсть от подобной логики. А потом мое удивление переросло в смех. Впервые за сегодняшний день мне сделалось легко и весело. Кажется, с этим парнем мы и вправду можем подружиться, мне уже нравилась его бесхитростность.

– С чего такие выводы? – сквозь смех выдавила я.

– Ну, девушки обычно не шарахаются от меня. – Он снова по-голливудски улыбнулся. – Или все-таки любишь? – Поиграл бровями.

Мне снова стало смешно. Так откровенно и быстро мне еще никто не предлагал лечь с ним в постель.

Все еще смеясь, я по-дружески похлопала Андрея по плечу.

– Будем считать, что не люблю. – И, прежде чем он снова меня остановил бы, проскользнула мимо него к двери, поймав во взгляде Кирилла насмешку.

«И зря ты ему отказала», – сказал Зверь.

«Это еще почему?»

«Ты напряжена, расслабиться тебе бы не помешало. Парень недурен собой».

«Зверь, – попросила я, – будь добр, дай мне самой решать вопросы, связанные с моей личной жизнью».

«Так как эта самая личная жизнь у тебя напрочь отсутствует, это показывает, что решать ты самостоятельно не умеешь», – не унимался он.

Я отмахнулась от его нравоучений – со Зверем можно спо-

рить вечно, а мне, как я предполагала, еще предстоял разговор с Золотаревским. Однако прямолинейность Андрея позабавила, и я все еще пребывала в отличном состоянии духа.

Зато постучав в двери кабинета Золотаревского, я внезапно снова почувствовала страх. Что меня там ждет? О чем он хотел со мной поговорить? Зачем позвал к себе в кабинет? Почему сразу не забрал с собой, а оставил в конференц-зале? Он же обладает способностью видеть будущее, знал ли он, что ко мне подойдет Андрей, после чего мое настроение значительно улучшится? Подстроил ли он все это специально?

– Входи, девочка моя, – ответили на мой стук.

Девочка? Когда ко мне так обращался Зверь, я не обращала на это внимания, теперь же почувствовала себя неловко. Девочка, тоже мне. Скорее уж, тетечка.

Я осторожно потянула на себя дверь.

– Входи, входи.

«Старик» снова, как и вчера, сидел за столом из красного дерева.

Я вошла, закрыв за собой дверь.

Золотаревский упорно напоминал мне старого преподавателя университета, профессора. Вот сейчас я почувствовала себя студенткой-первокурсницей, которую вызвали на ковер к декану.

– Я тобой горжусь, – начал он без предисловий, указав мне на кресло, в котором я вчера сидела. Я удивленно вскинула

брови. Гордится? Чем? Тем, что я вела себя как несдержанная идиотка?

Молча села в кресло, удивленно глядя на него.

– Конечно, горжусь, – ответил он на мой невысказанный вопрос. – Я же видел твою реакцию на слова Антона. И я знаю, что человек, в котором поселяется Огненный Зверь, совершенно себя не контролирует первое время. Я ожидал чего угодно: что ты устроишь скандал, начнешь бить посуду, крушить мебель или, в конце концов, встанешь и уйдешь. – Я покраснела от того, насколько близка была к всему тому, что он только что перечислил. – Но ты осталась, даже голос не повысила. Прекратила ссору, не дав ей начаться. А теперь расскажешь, как тебе это удалось? Возможно, впредь тебе придется прибегать к этому способу.

Я вспомнила Кирилла. Ведь остановилась я только благодаря ему. Мне снова захотелось его поблагодарить. Владимир Петрович горд за меня, подумать только, и он понятия не имеет, что я на самом деле безвольная и слабая, а мое поведение не превратилось из приличного в разрушительное только благодаря его сыну.

Еще подумала о том, как Кирилл любил старика. И тогда поняла. Он помог мне, чтобы я не расстроила Золотаревского. Стало капельку грустно, но я попыталась отбросить от себя эти мысли. Мне ведь тоже почему-то очень не хотелось разочаровать этого человека.

– Не думаю, что мне удастся снова воспользоваться та-

ким способом самоконтроля, – призналась я. – Хотя мне бы очень этого хотелось, – и это была чистая правда.

Наверное, Владимир Петрович что-то заметил в моем печальном взгляде и хмыкнул, но комментировать не стал.

– Как тебе наш коллектив? – спросил он.

Как? Вопрос очень ёмкий, и от меня определенно не ждали односложного ответа. Как – хорошо. Или как – плохо. Или еще лучше: как – никак. Я вздохнула под пристальным взглядом Золотаревского, силясь подобрать нужные слова для развернутого ответа.

– Андрей очень милый, – выдала я самый вежливый вариант, при этом улыбнувшись. Да уж, этот здоровяк меня позабавил.

Владимир Петрович снова хмыкнул, затем поставил локоть на стол и подпер рукой подбородок.

– Андрей всегда нравится женщинам.

Я пожала плечами.

– Думаю, будь я мужчиной, он бы мне тоже понравился. Андрей забавный.

Теперь во взгляде Золотаревского появился интерес.

– То есть ты хочешь сказать, что он понравился тебе не как мужчина?

– О боже! – выдохнула я. – Конечно же, нет! Я видела его всего ничего!

«Кирилла ты видела и того меньше, когда уже не могла отвести от него глаз», – злорадно напомнил Зверь.

«Заткнись!» – мысленно прорычала я.

«А чего молчать, если это правда?»

«Эта правда – только моя проблема, и я никого не собираюсь в нее посвящать».

«А что, поделилась бы со стариком своими симпатиями, глядишь, и подсобил бы с сыном».

«Заткнись!»

– Хм-хм, – вежливо покашлял Владимир Петрович, отвлекая меня от внутреннего диалога.

Я вскинула голову.

– Простите.

Ну надо же, раньше получалось общаться со Зверем незаметно, впервые меня подловили. Когда Зверь начинал рассуждать о моей симпатии к Кириллу, мне хотелось вытащить его из моей головы и задушить собственными руками.

– Расскажи мне об Огненном Звере, – попросил Владимир Петрович. – Я читал много литературы о нем, но ни одна из них не была написана носителем Зверя. Нина Акимова тоже не горела желанием делиться с нами своими ощущениями.

Я подозрительно прищурилась.

– Так зачем вы предложили мне эту так называемую работу: чтобы помочь мне или узнать побольше о Звере?

Улыбка Золотаревского превратилась в снисходительную. Он откинулся на спинку кресла, сложив пальцы домиком.

– Буду с тобой честен...

– Премного благодарна, – невежливо проворчала я, но он простил мне и это.

– Все люди, даже те, которые пытаются жить для других и помогать нуждающимся, ищут своей выгоды. Святых людей не бывает. И я вовсе не возомнил себя святым и бескорыстным и не пытаюсь произвести такое впечатление. Кто-то жаждет богатств, кто-то славы. У меня своя жажда – знания. Огненный Зверь – уникальное явление. У многих магов редкий дар, но он все же повторяется. Огненный Зверь один, он существует уже много веков, но о нем по-прежнему ничего не известно.

«Не то чтобы я скрывался», – скромно заметил Зверь. Рассуждение о его уникальности он воспринял как комплимент.

– Что вы хотите узнать?

– Для начала, как он с тобой общается? Мыслями, образами?

Я покачала головой.

– Я просто слышу его голос.

Владимир Петрович смотрел на меня восторженно, как будто я сказала, что слышу глас Божий.

– И какой он?

– Надоедливый, – выдала первое и ключевое определение.

– Это мужской голос? На что он похож?

Я кивнула.

– Определенно мужской. Хорошо поставленный мужской

голос. Как... – я попыталась подобрать подходящее определение. – Как у диджея по радио. Иногда кажется, что он способен болтать вечно. Но иногда обижается и может подолгу молчать.

Владимир Петрович даже раскрыл рот от удивления.

– Обижается?

Теперь уже пришла моя очередь удивиться.

– А вы что думали? Общается образами, – передразнила я. – Да, он говорит, обижается, смеется, а еще ехидничает и издевается. Он не животное, он личность!

«Спасибо», – смущенно отозвался Зверь.

– Погоди-погоди, значит, у него свой характер? – Золотаревский даже подпрыгнул на стуле.

– Разумеется, – подтвердила я. – И могу сказать, прескверный.

Владимир Петрович задумчиво покусал губу.

– Поразительно, – пробормотал он. – А еще более поразительно, что ты говоришь о нем как о своем друге.

Как о друге? Я даже не задумывалась об этом. Пожалуй, Владимир Петрович был прав, во всяком случае, я точно не воспринимала Зверя как врага. Он вторгся в мою жизнь, перевернул ее с ног на голову, и мне очень хотелось вернуть ее на место и избавиться от назойливого голоса в моей голове. Но я действительно воспринимала Зверя как друга, он сам попал в меня поневоле и ни разу сознательно не причинил мне вреда (забудем о моих похождениях в клубе).

– Пожалуй, да, – согласилась я. – Он мой друг. Но, будьте уверены, я не сумасшедшая, и мне бы не хотелось иметь друзей в своей голове. Как только смогу передать Зверя, я немедленно это сделаю. Надеюсь, вы поможете мне найти достойного человека, который примет его?

Золотаревский медленно кивнул.

– Конечно, это будет непросто – найти подходящего кандидата. Но я думаю, мы его отыщем.

– Хорошо.

Я немного успокоилась. Не хотелось бы передать Зверя кому-нибудь, кто с его помощью решит захватить мир.

Мы разговаривали с Владимиром Петровичем до самого вечера. В обеденный перерыв он вместе со мной спустился в кафе на первом этаже здания, и мы вместе пообедали, не прерывая разговора.

Сначала он расспрашивал меня обо всем. О характере Зверя, о том, что я чувствовала по время вживления, о том, какие изменения произошли в моем теле с его появлением, и самое главное – о моих неконтролируемых эмоциях.

Я отвечала обо всем без утайки. Во-первых, по-прежнему не могла сдерживать свою откровенность, во-вторых, я и не хотела ее сдерживать. Золотаревский казался добрым дедушкой, очень мудрым и благородным. Его желание помочь мне казалось искренним, и я ему верила.

Владимир Петрович считал, что со временем мне удастся взять Зверя под свой полный контроль, но для этого мне

нужно лучше познать саму себя, свои способности. Он обещал заниматься со мной в будущем различными упражнениями для тренировки памяти и внимания, убежденный, что потом мне это поможет.

– Ты должна научиться полностью себя контролировать, – говорил Золотаревский, – полностью. Должна уметь оставаться совершенно спокойной в самый критический момент. Даже если ты будешь висеть над пропастью на одном пальце, твое сердце должно стучать размеренно. Понимаешь меня? Никакой паники. Это очень сложно, для этого нужна недюжинная сила. Но если человек хочет, он добьется. Побеждающий других – силен, побеждающий себя – могущественен. Никогда не забывай об этом, девочка.

Золотаревского было приятно слушать, он умел говорить, умел воодушевлять. Когда я разговаривала с ним, мне самой начинало казаться, что все хорошо, мне стоит только немного постараться, и все получится.

Немного отклонившись от темы Зверя, Владимир Петрович рассказал о магах, к коим относил себя и всех моих новых «коллег».

Эти люди действительно обладали способностями, которые в миру принято было называть «волшебством». Как я ни старалась, мне так и не удалось в полной мере понять, каким образом они умеют преобразовывать энергию для сотворения своих «чудес».

Догадавшись, что так и не сможет объяснить мне процесс

с технической точки зрения, Золотаревский перешел на простой и доступный мне язык.

Оказалось, что магия в том смысле, которое люди обычно вкладывают в это слово, требует просто колоссальной затраты энергии. Маги могут практически все, но это дается им нелегко. Золотаревский объяснил, что при желании он способен даже переместиться за один миг на другой конец страны, но потом, скорее всего, упадет без сил, и ему придется отлеживаться не меньше недели, чтобы восстановиться. Если же такой финт проделает начинающий волшебник, то, вероятнее, это превысит его допустимый расход энергии, и наступит смерть. Звучало жутко.

Из долгой речи Владимира Петровича я уяснила одно: несмотря на гипотетические способности магов, позволить они могут себе не так уж много. Только в зрелом возрасте им удастся добиться полного контроля над расходом энергии и точно определять, что вынесет их организм, а что нет. Подводя итог всему вышесказанному, я поняла главное: магией как таковой, несмотря на свои способности, маги стараются не заниматься, полностью отдаваясь своему личному дару.

Такой дар индивидуален и не требует от своего обладателя совершенно никакой затраты энергии, являясь частью мага. Иногда у магов встречаются одинаковые способности, одни реже, другие чаще. Например, эмпатов такого уровня, как Кирилл, почти не осталось, потому что он был наделен способностью улавливать не только эмоциональные, но и физи-

ческие чувства.

Я слушала Владимира Петровича с живым интересом, но, как ни старалась, к вечеру почувствовала себя переполненной информацией, как кувшин, который подставили под струю, чтобы наполнить, а потом забыли закрыть кран.

Прошел мой первый «рабочий» день. Меня отпустили ровно в шесть, как мы и договаривались.

Когда вышла в приемную, Леночка тоже уже уходила. Она как раз выключала компьютер, когда я вышла из кабинета Золотаревского. Девушка больше не выглядела расстроенной.

«Если бы Кирилл меня утешил, я бы тоже не была расстроена», – подумала я, но на этот раз с тоской, а не со злобой.

– До свидания, – вежливо кивнула мне Леночка, однако держалась настороженно.

– До свидания, – эхом повторила я и пошла к двери.

Вспомнила осуждающий взгляд Кирилла, когда я обидела эту девчонку, будем честными, ни за что. Ну да, зря она решила поумничать и сказала, что опаздывать неприлично, но я-то почему-то невзлюбила ее еще при первой встрече и именно поэтому нахамила сегодня.

Я уже взялась за ручку входной двери и остановилась. Отпустила ручку. Повернулась.

В глазах Леночки мелькнуло удивление.

– Что-то забыла? – по-прежнему преувеличенно вежливо

осведомилась она.

Мне захотелось снова нахамить ей, развернуться и уйти.

Я сжала руки в кулаки, ногти впились в ладони. Я должна была научиться контролировать себя, должна, и точка. Я знала, как мне нужно поступить, я так чувствовала. Нужно было просто выбрать самое сильное из захватывающих меня чувств и отдаться ему, верному, а не десяткам ложных.

Самым верным было желание поступить по совести.

Я подошла к Леночке ближе. Эмоции бурлили, но я всеми силами пыталась руководствоваться правильными.

– Лен, я должна извиниться, – мне даже мой голос показался незнакомым. – Я не должна была быть с тобой так груба. Мне... – Я почувствовала, что меня сейчас снова понесет, и тогда извиняться придется за куда более серьезные проступки. – Короче, мне чертовски жаль! – выпалила я и стремглав выбежала из помещения, Леночка и рта не успела раскрыть.

Я позволила себе вдохнуть, только когда вошла в лифт.

– Зверь, ты веришь, что я научусь себя контролировать? – прошептала, прижавшись лбом к прохладной стене лифта.

«Лично я – верю», – отозвался он.

– Спасибо.

Глава 6. Незванный гость

Эту ночь я впервые плохо спала. Мне снился Кирилл. Он то исчезал, то появлялся, и я не могла его догнать.

Это был ужасный сон, кошмар, наполненный черными тенями и загробными голосами. Кирилл в этом сне был как лучик света, но и он ускользнул от меня, и я проснулась совершенно разбитой.

Открыв глаза, лежала еще несколько минут, тупо глядя в потолок.

Неужели я и правда влюбилась? Я не могла объяснить свои чувства. Я совсем не знала Кирилла, но даже одна мысль о нем вызывала у меня улыбку и внутренний трепет.

Я вспомнила о том, как вчера он был нежен с Леночкой, и безумно позавидовала этой девчонке.

Прошло всего два дня, а мне казалось, что моя жизнь перевернулась вверх тормашками. И почему, едва проснувшись, я думала не о том, что мне открылось, что магия реальна, не об опасности от Черных Капюшонов, не о том, как усердно мне предстоит учиться, чтобы передать Зверя, – а о Кирилле Золотаревском?!

Устав пялиться в потолок, я застонала и накрыла лицо подушкой.

«Так нельзя», – осуждающе сказал Зверь.

– Не могу, – проныла я.

«Смотри реально на вещи, – не сдавался он. – Ты совсем его не знаешь. Он просто понравился тебе внешне. И ты сама ему тогда все правильно объяснила: это был шок, ты была напугана, тебя чуть не убили, а тут примчался он и спас тебя, как принц на белом коне. Нельзя влюбиться в человека, которого не знаешь».

– Это еще почему? – возмутилась я. – А сколько существует историй о любви с первого взгляда?

Зверь фыркнул.

«Всего лишь истории».

Я насупилась. Даже Зверь против меня.

«И нечего дуться, – продолжал он. – Я просто пытаюсь до тебя донести, что твое подсознание сыграло с тобой злую шутку. Ты долго была одна, в тебе накопилась нерастраченная любовь, и она вылилась на первого встречного. Как только ты раскроешь глаза, то увидишь все таким, как есть».

Я задумалась. Доля правды в этом, конечно, была. Я долго оставалась одна, но у меня на пути попадались и другие кандидаты на мое сердце. Например, мой одноклассник Дима Мартынов. Уж не знаю, почему я его вспомнила, но пример был хорош. Парень был недурен собой, а как на меня смотрел – как кот на сметану! Но ведь во мне ничего не шевельнулось в ответ, мне было совершенно все равно.

Я снова подумала о Кирилле, и сердце забилось сильнее.

«Прекрати это!» – Зверь уже рычал.

– Не могу!

«А я говорю: можешь! Тебе же не нужен с ним коротенький роман, думаешь, я не вижу? Но ты должна понимать, эмпат никогда не даст тебе то, чего ты хочешь. Перестань морочить себе голову. Эмпаты всегда одиноки, их ноша и так тяжела, чтобы обременять себя отношениями. Так, как ты хочешь, он не будет с тобой никогда. Ты слышишь меня? Ни-ког-да!»

– Слышу, – огрызнулась я.

«Вот и славненько, а теперь брось забивать себе голову глупостями и вставай. Опаздывать второй день подряд – верх неприличия».

Я застонала, но послушалась, убрала подушку с лица и встала.

Однако даже холодный душ не отвлек меня от мыслей о Кирилле. Нужно было отвлечься. Мои новые «коллеги» и так уже решили, что у меня не все дома, не хватало еще шокировать их своим поведением еще больше. Как-никак, я уже начала двигаться в правильном направлении, извинившись перед Леночкой, нужно было продолжить эту тенденцию.

Выбравшись из ванной и шаркая тапочками по полу, я споткнулась о свой телефон, валяющийся возле кровати. Помнится, я его туда бросила три дня назад после разговора с Ирккой. Вставала я теперь без будильника, поэтому совершенно забыла про мобильный.

Я подняла его с пола. Ну конечно же, зарядка села.

Покружив по комнате в поисках зарядного устройства, я

наконец-то отыскала его под кроватью и включила телефон.

Пока вытиралась и сушила голову, на телефон падали сообщения с информацией о пропущенных звонках. Я намеренно не стала бросаться к мобильному после первого SMS, дав им прийти всем. Теперь можно было посмотреть, кто вспоминал про меня в эти дни.

Обнаружилось три пропущенных от Ирки. Видимо, после нашего короткого утреннего разговора три дня назад, она хотела получить от меня объяснения. Я пролистала сообщения с ее звонками и тут же без сожалений удалила. Перезванивать не хотела. Сказать было нечего.

Меня пронзил укол совести, когда обнаружила, что мама пыталась дозвониться до меня все эти дни. Пятнадцать раз. Да уж, ну и неблагодарная же я дочь. Родители, должно быть, себе места не находят.

Недолго думая, набрала мамин номер.

– Изольда! – Мама так быстро схватила трубку, что во мне зародилось сомнение, что все эти дни она дежурила возле телефона.

– Да, мам, – виновато пробормотала я.

– С тобой все в порядке? – На заднем фоне услышала взволнованный голос отца, который тоже подскочил к телефону.

Мне сделалось грустно. Когда я теперь их увижу? Из-за дурацкой работы у Лосева я не была у них уже несколько месяцев, постоянно откладывая поездку, хотя пути было все-

го ничего – восемьдесят километров. Теперь же, даже имея свободное время, я не решаюсь их навестить. Не хватало еще показать Черным Капюшонам способ меня шантажировать в попытке захватить Зверя. Я ни за что не собиралась подвергать их опасности.

– В порядке, – ответила, чувствуя себя ужасно. Мне было по-настоящему стыдно, что я заставила их волноваться. – Простите меня, что вот так пропала.

– Изольда! О чем ты думала? – продолжала мама. – Мы места себе не находили. Что произошло?

Что произошло? Ну, если коротко, то во мне поселился Огненный Зверь, я потеряла работу, меня пытались убить, в результате чего я сожгла заживо двух человек, а потом встретила парня, о котором теперь постоянно думаю, и получила новую работу...

«Не-е-е-ет!» – резкий окрик Зверя привел меня в чувство и не позволил моей откровенности вырваться наружу и выложить маме все то, о чем я на самом деле подумала.

«Спасибо, – мысленно поблагодарила я, на мгновение онемев от страха, представив, что только что чуть не натворила. – Я твоя должница».

«Сочтемся», – довольно мурлыкнул Зверь.

– Случились кое-какие проблемы на работе, – тщательно взвешивая слова, начала я, пытаюсь сказать правду, но не вдаваться в подробности. – Мне пришлось уволиться. Это... это несколько выбило меня из колеи, и я совершенно забыла

про телефон.

– Мы звонили и на домашний... – Мама вдруг прервалась. – Как?! – ахнула она. – Ты уволилась? Ты же говорила, тебя ждет повышение. И что теперь? Все начинать сначала в другом месте?

– Выходит, так, – вздохнула я.

– Но что произошло? – продолжала допытываться мама, уж она-то знала, как серьезно я всегда относилась к работе.

И тут Зверь остановить меня не успел.

– Произошло то, что мой бывший начальник – чудака на букву «м», и я устала терпеть унижения от этой свиньи! – выпалила я.

Мама охнула.

«Ну, приехали», – прокомментировал Зверь.

– Мамочка, мамочка, – быстро затараторила я. – Ты не принимай все близко к сердцу. Все уже хорошо, я уже нашла себе новую работу, там замечательный директор, как раз сейчас туда собираюсь. Это очень интересная работа.

Что ж, каждое слово, сказанное мной, было чистейшей правдой.

– Новая работа, – задумчиво произнесла мама. – Ну, кто знает, может, оно и к лучшему. – И тут же перешла на свою любимую тему – значит, мне все же удалось ее успокоить. – Новая работа, новый коллектив. Неженатые парни есть? Тебе уже кто-нибудь приглянулся?

– Мама! – возмутилась я. Вышло ненатурально. Вот черт!

– Так-так-так... – Мама прекрасно меня знала и тут же почувствовала неладное. – А ну признавайся. Случилось чудо, и моей девочке кто-то приглянулся?

«Колись, чего уж там», – вздохнул Зверь.

– Ну, есть там один парень, – призналась я. – И нет, он не женат.

– Ну, слава Богу! – Мама так обрадовалась, будто я сказала ей, что уже назначен день свадьбы. – А ты ему тоже нравишься? Ты же не будешь дурочкой и не упустишь холостого мужчину, который тебе понравился? Ты должна....

– Мама! – я не выдержала и перебила ее. – Прекрати, пожалуйста. Я сама еще ничего не знаю. Все, тема закрыта, если мы продолжим, я опоздаю на работу!

Но мой раздраженный тон не ввел маму в заблуждение – она все прочла между строк.

– Ого! Да он тебе очень понравился! – еще больше обрадовалась она.

– Мама, – настойчиво повторила я. – Мне пора.

– Хорошо-хорошо, – пропела мама, совершенно забыв и про обиды, и про беспокойство по поводу моей пропажи. – Позвони, как появятся новости. Целую, дорогая. – В трубке раздались гудки.

– Черт-те что! – выругалась я. – Ее желание выдать меня замуж просто невыносимо. Как будто мне уже сорок! – Зверь захихикал. – И ничего смешного!

Он все еще хихикал, когда я пошла одеваться. Ну вот, еще

одной проблемой прибавилось: теперь еще перед мамой объясняться по поводу своей личной жизни.

***

На этот раз я пришла даже не вовремя – я пришла первой. Стоянка перед зданием и та была еще почти пуста.

Сегодня мне хотелось прийти пораньше и успеть подготовиться к встрече с остальными. Встретить всех спокойной, а не как вчера: совершенно не контролирующей перепады своего настроения.

Двери в приемную были открыты, хотя даже Леночки еще не было на месте. Видимо, эти двери вообще не запирали.

Из интереса я подергала дверь в кабинет Золотаревского – заперто. Честно говоря, я вздохнула с облегчением. Незапертые двери меня пугали. Для меня было странно: если маги хранят в тайне свое существование, то как они позволяют себе оставлять свой офис открытым и без охраны?

Я сделала несколько кругов по помещению, стараясь заставить свое сердце биться ровнее, потом села в кресло для гостей и взяла журнал со столика. Даже не посмотрела на название, просто раскрыла его и стала бездумно листать, не всматриваясь ни в заголовки, ни в картинки.

Просидела так минут десять, когда в коридоре послышались первые шаги. Легкая размеренная поступь. Мое сердце все еще стучало ровно, я чувствовала себя спокойно, и казалось, ничто не способно вывести меня из равновесия.

Я ошиблась. Дверь скрипнула, и в приемную вошел Кирилл.

Ну почему это не была Леночка, или Петя, или Андрей? Мое сердце пропустило удар и забилось с удвоенной силой. Вот черт, все мои старания насмарку.

Кирилл наверняка понравился бы мне, встретиться мы с ним и при других обстоятельствах. Но благодаря влиянию Зверя и полному отсутствию самоконтроля, речь теперь шла не просто о симпатии к едва знакомому мужчине – а о чувстве сильном и ярком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.